

Рѣчи,

произведения

въ торжественномъ събораніи

ришельевскаго лицѣя,

22-го Июля, 1841 года.

ОДЕССА.

въ городской типографии.

1841.

Наукова бібліотека ОНУ ім. І. Мечникова

ОБЪ ИСТОРИИ ХИМИИ.

Homo sapiens observat mundum Omnipotens theatrum, undique adornatum summis omnisciæ Sapientiae miraculis, se vero in hunc tamquam hospitem introductum, ut hisce deliciis sese delectando magnificentiam Domini agnoscat.

Linnaeus.

Мм. Гг.!

Если-бы я, намѣреваясь говорить предъ собраніемъ сколько обра-
зованнымъ, столько-же и многочисленнымъ, не соображался съ мо-
ими силами, то это была-бы крайняя неразсудительность. Напро-
тивъ того, въ самомъ началѣ этой рѣчи, за которую я принимаюсь,
какъ за нѣкоторое бремя, мнѣ должно просить всего вашего счи-
тожденія. Обязанный предстать предъ вами, какъ-бы нечаянно и
противъ моей природной склонности, я не заслуживалъ-бы никакого
извиненія, если-бы, исполняя эту обязанность, нимало не подумалъ
о томъ, что другой могъ-бы исполнить ее лучше меня.

Химія, какъ наука совершенно опытная, въ наше время сдѣла-
лась народною. Эту народность ей доставили ея теоріи, столь простыя,
и ея результаты, столь важные и столь интересные для ума, пре-
дающагося изслѣдованіямъ внутренняго свойства чудесъ творенія.
Всѣ ея выводы очевидны, непосредственны; она объясняетъ

Печашано по опредѣленію Лицейскаго Совѣта. Одесса, 14-го Мая, 1841 года.

Секретарь Ф. Кленовъ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧІКОВА

какъ тѣ искусства , которыя доставляютъ все необходимое для жизни, такъ и тѣ, которыя украшаютъ нашъ бытъ. Вездѣ , гдѣ мы ее находимъ, она приводитъ насъ къ взглядамъ полезнымъ , или приятнымъ. Ея развитіе, ея успѣхи въ послѣднее время столь изумительны, столь обширны и имѣютъ вліяніе столь прямое , что , нисколько не хвалясь, мы можемъ признать нашъ вѣкъ вѣкомъ Химіи. Ежедневно мы видимъ новыя открытія, обильныя приложеніями,— видимъ изслѣдованія , часто приводящія къ открытію обширнаго и плодоноснаго поля для дальнѣйшихъ изслѣдованій, и — неисчерпаемая въ своихъ произведеніяхъ природа всегда будетъ доставлять неизысканный предметъ какъ для размышеній естествоиспытателей , такъ и для опытовъ химиковъ. По-этому , я считаю полезнымъ , даже необходимымъ прослѣдить ходъ этой науки въ теченіе прошедшихъ вѣковъ и бросить бѣглый взглядъ на ея философическую исторію.

Постоянное стремленіе къ созерцанію и изученію природы есть какъ-бы прирожденный намъ инстинктъ. Мы открываемъ въ первый разъ глаза наши не для чего другого , какъ для того , чтобы разсмотривать это удивительное зрѣлище вселенной , которое потрясаетъ и пленяетъ всѣ силы нашей души. Наше первое стремленіе имѣетъ цѣлую познать тѣ предметы , которые мы видимъ , чувствуемъ и наблюдаемъ , и , если первые звуки нашего голоса суть выраженіе нашихъ нуждъ и нашего безсилія , то они въ тоже время выражаютъ и нашу страсть къ познанію предметовъ, насъ окружающихъ. Эта страсть возрастаетъ въ насъ вмѣстѣ съ лѣтами и со дня на день приобрѣаетъ болѣе энергіи и силы; если-же она не удовлетворяется , если не получаетъ той пищи , которой столь сильно жаждеть , то она погасаетъ не прежде ,

какъ съ послѣднимъ дыханіемъ жизни, производя въ насъ до послѣдней минуты горькую скорбь о томъ , что мы видѣли столько величественныхъ предметовъ, не будучи въ состояніи постигать ихъ.

Безъ сомнѣнія, здѣсь не нужно болѣе доказательствъ для того, чтобы убѣдить васъ въ томъ , что есть связь, соединяющая и скрѣпляющая внутреннія чувствованія человѣческаго сердца съ познаніемъ законовъ міроправленія. — Въ самомъ дѣлѣ , познаніе этихъ высокихъ законовъ, равно какъ и изученіе ихъ дѣйствій въ видимой природѣ вливается въ нашу жизнь ту чистую сладость, которую удобнѣе вкушать, нежели выражать. По-истинѣ , обладаніе этой истинной наукой доставляетъ намъ величайшее и сладчайшее наслажденіе ; она вожделѣніе всѣхъ земныхъ сокровищъ и лучшее всѣхъ ихъ можетъ удовлетворить необходимой потребности знанія; ибо человѣкъ поставленъ на землѣ подъ великаго множества благъ , которыхъ Предвѣчный ему вручилъ , для него назначилъ и которыхъ угодно было Ему предоставить въ наше полное распоряженіе. Такъ, человѣкъ есть царь творенія; онъ беретъ дань со всей природы ; онъ обнажаетъ ее отъ всѣхъ произведеній , которыя она износить на поверхность; онъ исторгаетъ у нея и то, что скрывается въ ея пѣдрахъ. Онъ разсѣкаетъ океанъ и атмосферу ; воздухъ, лѣса, рудники не заключаютъ въ себѣ ничего, что могло-бы отъ него укрыться. Впрочемъ, если-бы въ этомъ только состояло все преимущество нашихъ разумныхъ силъ; если-бы они служили намъ только къ тому, чтобы мы могли усвоять себѣ вещественные предметы: то мы не вправѣ были-бы превозноситься ими. Но на самомъ дѣлѣ , не такъ. Человѣкъ, у которого не потребляется все время жизни на попеченія о своемъ физическомъ существованіи , испытываетъ нужды, недоступныя чувствамъ, извѣдываетъ заботы и наслажде-

нія, не имѣюція ничего общаго съ бѣдствіями жизни. Онъ чувствуетъ, что онъ относится къ другому роду, и принадлежать къ классу высшему. По свойству своей разумной природы, онъ не созерцає этого міра и окружающихъ его предметовъ съ холоднымъ удивленіемъ, какъ цѣль явленій, которыя занимаютъ его только своими прямыми къ нему отношеніями; но разматриваетъ ихъ какъ систему, расположенную въ порядкѣ и по плану. Гармонія частей, стройность состава производятъ въ немъ живѣйшее удивленіе. Онъ старается подражать тому, что находитъ здѣсь для себя понятнымъ и удобоисполнимымъ, и иногда оказываетъ въ этомъ успѣхи, хотя несовершенные; часто также онъ постигаетъ природу венци, хотя самъ не въ состояніи произвести ее; а иногда онъ видитъ слѣдствіе, не имѣя возможности представить средства, которыми оно опредѣляется. Такимъ образомъ, онъ приходитъ къ идеѣ могущества и того Верховнаго Ума, который, далеко превосходя его собственный умъ, можетъ произвести и обнять цѣлостъ всей природы. Онъ можетъ назвать это могущество безконечнымъ, потому что онъ не видитъ конца дѣйствіямъ, въ которыхъ оно проявляется: чѣмъ болѣе онъ испытываетъ, чѣмъ далѣе разширяетъ кругъ своихъ изслѣдований; тѣмъ болѣе открываетъ великолѣпія, тѣмъ болѣе усматриваетъ величія.

Разширяя такимъ образомъ свои наблюденія надъ природою, мы можемъ собирать опыты, дѣлать изъ нихъ выводы и сравнивать прошедшее и будущее съ настоящимъ. Этимъ способомъ простое созерцаніе природы возвышается на степень науки, которая есть не что иное, какъ классификація и сравненіе опытовъ, имѣющею цѣлью вывести изъ нихъ причинъ.

Потому-то естествоиспытатели всѣхъ вѣковъ собирали драгоцен-

ныя наблюденія, совокупляли безчисленные опыты и въ своихъ твореніяхъ представили плодъ собственныхъ изысканій. Если, при изученіи естественныхъ наукъ, замѣчаются болѣе поучительные факты и подводятся подъ извѣстную классификацію, то мало-по-малу получается сборъ матеріаловъ, обозрѣніе которыхъ укажетъ намъ потомъ свѣтлую сторону, такъ что изясненіе ихъ представится само собою. Факты, отдаленно замѣченные въ различныхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ, сводятся и совокупляются въ новыя сочетанія, получаются новое значеніе и указываютъ на точное изясненіе явлений.

Ни въ одной наукѣ не можетъ быть столько полезна, какъ въ Химії, и притомъ не только въ ея теоріи, но и въ приложении ея къ другимъ наукамъ, искусствамъ и художествамъ, та метода, по которой столько накапливается открытій, наблюденій и опытовъ, что цѣлой жизни одного человѣка едва достаточно къ тому, чтобы обозрѣть ихъ, и что никакая память не въ состояніи удержать въ себѣ всѣхъ случаевъ, въ какихъ они могутъ имѣть приложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, былъ бы необыкновеннымъ человѣкомъ, превосходнымъ гениемъ, кто могъ-бы постигнуть все содержаніе Химії, какъ теоретической, такъ и практической въ томъ видѣ, въ какомъ она является нынѣ и кто могъ-бы представить ея основанія со всѣми подробностями. Но человѣчеству не дано такихъ превосходныхъ силъ; оно не имѣть столь обширныхъ понятій. Всякое искусство, всякая наука была изобрѣтаема и развиваема послѣдовательно и постепенно. Одинъ человѣкъ присоединялъ свои труды къ трудамъ другаго и такимъ образомъ безпрестанно возраждавшіяся поколѣнія совокупными и постоянными усилиями уравновѣсили бессиліе нашей природы, такъ что человѣкъ, несмотря на

краткость своей земной жизни , простираетъ далеко въ прошедшіе вѣки нить своихъ познаній и своихъ трудовъ , которые должны быть переданы во всей цѣлости потомству.

Желаніе познать и проникнуть связь естественныхъ явлений всегда было одинаково и человѣческій разумъ, создавшій языки съ словами, количества съ единицами, гармонію съ тонами, стремится также создать системы съ данными. Эта жажда познаній , столь-же неутомимая какъ и жажда удовольствій , часто бываетъ соединена съ предубѣжденіемъ къ опыта отъ того , что думаютъ , будто-бы при помощи смѣлыхъ соображеній нѣсколькихъ положительныхъ опытовъ съ обманчивыми вѣроятностями , можно однимъ взглѣдомъ обнять всю внутреннюю природу вещей и открыть какъ законы , которыми она управляетъся, такъ и ихъ общее начало. Въ великомъ множествѣ опытовъ и открытій , которые умножаются еще со дня на день, представлены матеріалы различныхъ , часто противоположныхъ системъ , которая въ теченіи вѣковъ столько разъ измѣняли видъ науки ; тамъ-же можно найти или собрать данныя , которые послужатъ основаніемъ для единой истинной и неизмѣнной системы . Славныя имена и быстрые успѣхи науки нѣсколько разъ располагали умы къ извѣстнымъ теоріямъ , но только на время , пока природа новымъ откровеніемъ своимъ не отвергла ихъ или не потребовала другихъ теорій. Такъ возникло и разрушилось множество системъ ; сколько истинъ погребено подъ развалинами древнихъ теорій ; сколько заблужденій, можетъ быть , введено въ теоріи повсюду !

Естествоиспытатели всегда следили двумъ различнымъ взглядаамъ. Одни держались непосредственныхъ результатовъ , къ какимъ приводятъ опыты: требуя доказательствъ; строго отвергая гипотезы и смѣлья наведенія , они тѣмъ самыемъ наказывали свое собственное

любопытство. «Надобно , говорить Бергманъ , отречься нѣкоторымъ образомъ отъ собственной любви , чтобы извлекать изъ своихъ опытовъ одни законные результаты. Другіе , напротивъ того , стремятся къ общностямъ и хотять изъ своихъ отдельныхъ опытовъ вывестъ общіе законы; они сцепляютъ ихъ , подобно звеньямъ , въ своихъ теоріяхъ и наполняютъ промежутки догадками ». Физика , говоритъ Гумбольдтъ, имѣть части догадочныя: это для того , чтобы уменьшить ея приманки и заключить ее въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ. Подобнымъ образомъ утверждаетъ Гассенди , что должно довольствоваться зарею вѣроятностей , пока взойдетъ солнце истины. *Incundissimum est caliginem et tenebras sic excutere depellereque ex animo, ut nisi ipsumet veritatis jubar quasi splendidissimum solem contueri nobis concedatur, ut versari tamen quasi in aurora verisimilitatis liceat.*»

Эти два различные способы возврѣнія образовали эмпирізмъ и раціонализмъ , которые постоянно повѣряются одинъ другимъ , а иногда нападаютъ другъ на друга и ниспровержаютъ себя взаимно. Одинъ изъ нихъ , для поддержанія своихъ теорій , пренебрегаетъ очевидными данными ; другой отвергаетъ всякое наведеніе или гипотезу для того , чтобы сохранить очевидность доказательствъ. Одинъ желаетъ только такихъ опытовъ , которые благопріятствуютъ его теоріи вселенной ; другой не ищетъ круга болѣе обширнаго , какъ кругъ его собственныхъ опытовъ. Одинъ восхищается высо-тою своихъ понятій , другой очевидностію своихъ опытовъ. Безпри-страсный судія , признательный къ великимъ и неоцѣненнымъ у-слугамъ , какія оказали наукѣ эмпирізмъ и матеріализмъ , легко пой-метъ , что истинная и здравая философія природы можетъ утвер-
ждавшую линию санкцію чистоты и честности принципіа.

ждаться только на внутренней связи и взаимодействии этихъ двухъ различныхъ способовъ воззрѣнія на вещи.

Однакожъ, и не обращаясь къ исторіи философіи, мы встрѣчаемъ эту борьбу между внутренними и внешними силами, равно препятствующую какъ научному, такъ и нравственному единству. Болѣе двадцати вѣковъ прошло въ самыхъ тонкихъ и глубокихъ изысканіяхъ этого дуализма, въ продолженіи которыхъ послѣдователи его были обвиняемы и отвергаемы одни другими. Возвышенѣйшая способность души, чувствуя свое высокое назначение, первая съ высоты своего престола начала обозрѣвать природу и вселенную. Чѣмъ болѣе она извѣщалась о своемъ сродствѣ съ вѣчною Творческою Премудростью, тѣмъ болѣе томилась на различныхъ рукахъ, желая утвердить свой путь; чѣмъ болѣе шла она по слѣдамъ сенсуализма, тѣмъ болѣе возвышалась надъ нимъ, какъ сверхчувственная сила, которая не можетъ терпѣть тяжкаго бремени видимой матеріи. Минуты раздумья представляли отъ времени до времени только точки отправленія для новыхъ теорій, болѣе или менѣе пелѣпыхъ.

Въ эту гибельную эпоху Химія колебалась на зыбкихъ гипотезахъ и догадкахъ: тогда, надоѣло признаться, ничто не предѣщало того спасительного возрожденія, какое произошло въ ней въ послѣдствіи; напротивъ того, новыя тѣни ежеминутно увеличивали глубокую ночь, ее покрывавшую.

Не смотря на то, были необыкновенные мужи, которыхъ благодѣтельная природа производитъ по временамъ для того, чтобы посредствомъ ихъ измѣнять видъ вещей, производить великія и спасительныя реформы. Явился Баконъ и немедленно взялся за необѣданное поле опыта и наблюденія: онъ озарилъ лучами своего

генія этотъ длинный рядъ заблужденій, въ которыхъ терялся человѣческій разумъ; предъ нимъ открылись врата истины; онъ взялъ скіптръ наукъ и ставъ, подобно побѣдителю, выше толпы, имъ побѣженной, раздѣлилъ,— употреблю мысль одного новѣйшаго философа,— между своими послѣдователями великія области и обширные страны, которыя имъ должно пройти и воздѣлать.

Въ своемъ «*Novum organon Scientiarum*», изданномъ въ свѣтъ въ 1620 г.,— въ этомъ трактатѣ о методѣ, по какой должно доходить до познанія истины въ наукахъ, Баконъ единственнымъ средствомъ призналъ *опытъ* и *наведеніе*, въ противоположность *силлогизму* и *авторитету*. Рѣшился на всеобщее исправленіе человѣческаго ума, на возобновленіе всѣхъ наукъ, на новую повѣрку всѣхъ познаній, приобрѣтенныхъ въ предшествовавшіе вѣки,— это предпріятіе чрезвычайно смѣлое; и минута, въ которую оно начато и проявилось, по-истинѣ составляетъ рѣшительную эпоху въ исторіи наукъ. »Доселѣ, говоритъ Баконъ своимъ современникамъ, всѣ усиленія человѣческаго ума были безплодны и успѣхи его были обманчивы. Причиною сему было то, что до настолѣтаго времени наши наставники и учителя, за исключеніемъ весьма немногихъ, всегда выступали въ общихъ началь, которые всѣ были принимаемы нами за истинныя безъ испытанія, но которые, по ихъ-же единодушному признанію, не могли быть доказываемы, а слѣдовательно и не могли быть вѣрны. Для достиженія истины, вамъ нужно избрать другой путь: собираите факты, измѣняйте ихъ, умножайте, испытывайте ихъ содержаніе и придавайте истинными только слѣдствія, прямо изъ нихъ вытекающія; этимъ способомъ вы получите познанія совершенно основательныя, вполнѣ очевидныя и такія, которыя вы всегда въ состояніи будете увеличивать до безкогечности

безъ всякаго опасенія. *Наблюдение и опыт* — вотъ единственно хорошия умственныя орудія. Думайте лучше о томъ, чтобы идти безопасно, нежели о томъ, чтобы спѣшить быстро: Non enim intellectui non pluma addenda, sed potius plumbum et pondera; уму человѣческому нужны не крылья, а скорѣе свинцовыя подставки. Всѣ наши заблужденія происходятъ единственно отъ нашей поспѣшности въ сужденіяхъ. »

Таковы великия мысли Бакона; таковъ обширный планъ, имъ начертанный, въ которомъ онъ настаиваетъ, чтобы, для надлежащаго познанія природы, прежде всего совѣтовались съ внѣшними чувствами. «Миѣ даль ихъ, говоритъ Декартъ, Богъ, безконечно мудрый и благой; Онъ не хотѣлъ, чтобы я обманывался.» Такимъ-же образомъ разсуждаетъ Локкъ, что разумъ человѣческій подобенъ чистой доскѣ, и что матерію для его дѣйствій доставляютъ извѣထ опыты. Многіе другіе философы утверждали, что истину можно найти только единственнымъ путемъ опыта. Прибавимъ къ сему то, что, дабы утвердиться на этомъ пути, мы должны пользоваться познаніями математическими, чтобы требовать отъ опытовъ только того, что они могутъ дать намъ, и что мы должны имѣть особенное вниманіе и большую осмотрительность въ выводѣ даже самыхъ естественныхъ слѣдствій, къ какимъ приводятъ наблюдения.

И такъ, съ давнихъ временъ философія природы блуждала въ лабиринтѣ, то опираясь на опытахъ окружающей насъ природы, то будучи вѣдома высшимъ свѣтомъ отвлеченныхъ понятій. Желая постигнуть безконечное, она часто останавливалась на единственномъ и простомъ пути природы. Всякій послѣдующій вѣкъ принималъ отъ предыдущаго его открытія, его выводы, подводилъ ихъ подъ свой особенный образъ возврѣнія на явленія природы и иногда

иеправлялъ ихъ. Тамъ предложены глубокія загадки и изслѣдованіе извѣстнаго открытія доведено только до половины; здѣсь истина почти являлась наружу, однакожъ не была замѣчена и съ другой стороны въ заключенія вкрадись обманы. Часто случай имѣлъ большое участіе въ открытіяхъ, изъ коихъ каждое уподобляется тѣмъ лрагоценнымъ камнямъ, которые при всякой новой отдѣлкѣ оспѣляютъ насть новымъ лучемъ свѣта, болѣе блестательнымъ или иначе отцвѣченнымъ. Иногда этотъ случай узнается очень поздно послѣ资料 самого открытія, такъ что одно поколѣніе приготовляетъ жатву для послѣдующаго, само не сознавая того. — Всякая эпоха, кромѣ вѣрныхъ успѣховъ въ наукѣ, имѣла свои ненадежныя открытія, свои вдохновенія, свои загадки, свои потерянныя наблюденія, свои половинчатые опыты, которые завѣщаны потомству, какъ пророческие гіероглифы.

Такимъ-то образомъ науки были пересаживаемы и передаваемы однимъ поколѣніемъ другому; такъ дошли онѣ до насъ и мы, неопытные въ употреблениіи нашего наслѣдія, умножаемъ богатство его для будущихъ поколѣній, чтобы въ свою очередь также подвергнуться суду потомковъ, какъ мы судимъ теперь нашихъ предшественниковъ.— Весьма умно сказалъ Сенека: « Venit tempus, quo posteri nostri nos tam aperta nescisse mirentur. »

Чѣмъ обильнѣе богатство матеріаловъ и чѣмъ опаснѣе попытки; чѣмъ болѣе собрано наблюденій и опытовъ и чѣмъ труднѣе отстать отъ того, чтобы не извлечь изъ нихъ строгихъ выводовъ: тѣмъ пріятнѣе становятся догадки, тѣмъ свѣтлѣе дѣлается заря вѣроятностей. Въ самомъ дѣлѣ, при всякому открытіи взоръ разширяется, но усматриваются новые перерывы, представляются новые загадки, и естествоиспытатель, подобно путешественнику, восходя-

щему на Альпы, всегда видитъ вершины, до которыхъ онъ до-
стигъ; но вдали усматриваетъ высоты, которые представляются
ему недоступными и которая скрываютъ отъ него видъ горизонта.
Но, если теоріи должны взаимно поддерживаться и идти обь-руку
съ опытами, то можно спросить: на какихъ опытахъ и на какихъ
открытияхъ естествоиспытатели могутъ основывать свои системы?
Довольно-ли мы сдѣлали опытовъ, чтобы можно было безопасно
утвердить на нихъ свои теоріи?

Отвѣтъ на это уже данъ. *Шеллинг*, имѣвшій совершенное по-
знаніе обь успѣхахъ своего времени въ изученіи природы и одаренныій, можетъ быть болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ,
способностію углубляться и проникать въ способъ приведенія въ по-
рядокъ наблюдений, для вывода изъ нихъ обширныхъ результатовъ,
во многихъ пунктахъ уже отвергнутъ дальнѣйшими открытиями (*).
Сколько частей въ системѣ его должно нынѣ измѣниться для того,
чтобы прійти имъ въ согласіе съ новыми опытами и открытиями!
Сколько идей его не перейдетъ уже въ потомство!

По мѣрѣ увеличенія и умноженія опытовъ, свобода созидать
теоріи должна ограничиться и стѣсниться. По причинѣ первенства,
какое имѣютъ наши чувства въ изслѣдованіи природы, разсудокъ
долженъ только ихъ руководить и повѣрять; но онъ не долженъ
начинать съ отвлеченныхъ построеній до-тѣхъ-поръ, пока сила
чувствъ не окажется недостаточною къ надлежащему познанію.
Гдѣ-жъ этотъ предѣлъ? Явно, что синтезъ не можетъ быть начатъ
прежде окончанія анализа. Въ такомъ случаѣ, эмпирическія изслѣ-
дованія природы будуть дѣлаться болѣе и болѣе основательными.

И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ и теперь подтвержденіе этой исти-
ны. Сколько такихъ явлений, которыхъ въ древности были признаваемы
сверхъестественными, а нынѣ изясняются изъ извѣстныхъ уже за-
коновъ? Понятія ума, аналогія, наведеніе, указаніе цѣлей суть
только, говоря собственно, пособія для начертанія плана открытій,
для построенія небольшихъ системъ на основаніи наблюдений и
опытовъ, для представленія будущимъ временамъ вѣроятныхъ
гипотезъ, съ тѣмъ, чтобы эти системы, эти гипотезы послужили,
въ свою очередь, основою и началомъ новыхъ успѣховъ.

То вниманіе, какое обращено нынѣ на великія и главныя
силы природы, — я разумѣю электричество, магнетизмъ, свѣтъ и
теплоту, — открытія и счастливые опыты, произведенные надъ ихъ
соотношеніями и видоизмѣненіями, по видимому, показываютъ, что
умозрительное и опытное изученіе природы сближаются уже между
собою, что познаніе достигаетъ теперь до той высшей сферы при-
чинъ, гдѣ прежде мысль терялась въ пустыхъ гипотезахъ.

Судя по построенію системъ, основанныхъ на различныхъ опытахъ, — по наблюденіямъ, произведеннымъ надъ соотношеніями
жизненныхъ духовъ природы и надъ отношеніями ихъ какъ къ
жизни существъ органическихъ, такъ и къ преобразованіямъ природы
бездушной, — можно ожидать, что погрѣшительныя системы падутъ
и что философія природы — удобовразумительная, истинно достовѣр-
ная, основанная на химії, физикѣ и физиології, будетъ разматри-
вать съ своей истинной точки зреінія цѣлость міра вещественнаго.

Чтобы лучше судить о достоинствѣ этихъ предварительныхъ
разсужденій, бросимъ бѣглый взглядъ на философическую исторію
Химії.

(*) См. Fischer, Geschichte der Naturlehre.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ХИМИИ,

ДО ВРЕМЕНЪ ЛАВУАЗЬЕ (*).

Не смотря на то, что многія искусства, основанныя на химическихъ процессахъ, были извѣстны уже въ самой глубокой древности, Химія, какъ наука, получила начало только въ новѣйшія времена. Многія изъ таковыхъ искусствъ, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, достигли наконецъ того, что наука приняла ихъ въ свою область. Сравнивая химиковъ съ физиками, механиками, геометрами, по справедливости можно назвать истинными изобрѣтателями умѣнья производить опыты только первыхъ, т. е. химиковъ. Если они гораздо позже другихъ начали созидать теоріи, то это потому, что ихъ занятіе было труднѣе. Впрочемъ, хотя первыя попытки истинной теоріи появились только недавно; однако должно сознаться, что наблюденія химическихъ явлений, способы направлять эти явленія къ одной извѣстной цѣли и воспроизводить ихъ по собственному произволу — все это относится къ первымъ вѣкамъ исторического міра. Отсюда-то происходит неизвѣстность той эпохи, къ которой надо отнести зародыши Химіи. Отсюда также этотъ странный контрастъ, какой замѣчается у древнихъ народовъ между цвѣтущимъ состояніемъ Химіи промышленной и совершеннымъ отсутствиемъ всякой Химіи теоретической.

(*) Для составленія этого очерка Исторіи Химіи, кроме многихъ оригинальныхъ сочиненій, служили сочиненія Фуркура, Тенара, Берцеліуса, Гмелина, Бишофа и преимущественно Дюма и Кювье.

Такимъ образомъ начало практической металлургіи, красильного и горшечнаго искусства теряется во мракѣ вѣковъ. Финикиане, Египтяне усовершенствовали приготовление стекла; они знали не только бѣлое стекло, но даже финифти, т. е. стекла цвѣтнаго; они не только умѣли собирать соду, совершенно готовую, которую доставляла имъ сама природа, но и сами очищали ее; они знали поташъ и негашенную извѣсть и выдѣлывали мыла. По части металлургіи, они умѣли добывать мѣдь, золото, серебро, свинецъ, олово, и, можетъ быть, даже желѣзо; равно какъ знали и сплавы этихъ металловъ. Также вполне были имъ извѣстны многія соли, какъ напр. купоросъ. — Точно съ такимъ-же успѣхомъ Тирійцы занимались искусствами, входящими въ составъ Химіи органической. Они славились умѣніемъ красить шелковыя и шерстянныя матеріи; приготавляли вино, уксусъ и даже пиво. Египтянамъ извѣстна была перегонка смолянистыхъ дровъ и нѣтъ сомнѣнія, что часть произведеній этой перегонки употребляема была ими на приготовленіе мумій, которая въ совершенной цѣлости дошли до нашего времени. Красильное искусство было возведено у нихъ на такую степень, до какой оно и въ наше время почти еще не достигло: прошло нѣсколько тысячъ лѣтъ, а живопись Египетская какъ будто только что вышла изъ-подъ кисти художника. Въ такомъ же неповрежденномъ видѣ находятъ въ Геркуланѣ и Помпѣѣ картины, которые нѣсколько вѣковъ были погребены подъ лавою Везувія. Однакожъ, при всемъ томъ нельзя думать, чтобы эти народы имѣли основательную, систематическую теорію Химіи: они не имѣли нужды въ этомъ, точно также, какъ Китайцы, у которыхъ напр. приготовленіе фарфора и его окрашиваніе доведено до высочайшей степени совершенства, не смотря на то, что у нихъ недостаетъ и тѣни тѣхъ ученыхъ познаній, которыхъ сопро-

вождають промышленность Европейцовъ; или какъ Индійцы, которымъ мы обязаны многими отраслями промышленности и которые очень искусны въ употреблении красильныхъ веществъ, такъ что и въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ Европейцовъ. Одна только практика, наблюданная постоянно мыслящимъ духомъ человѣка, а иногда простой случай были причинами усовершенствованія различныхъ отраслей промышленности, между тѣмъ какъ теорія могла быть создана гораздо позже. Доказательствомъ сказанного нами можетъ служить прекрасный способъ добыванія серебра, изобрѣтенный въ Мексикѣ въ 1561 г. Гернандомъ Веласкесомъ, который не имѣлъ никакихъ теоретическихъ познаній Химіи, необходимыхъ для изобрѣтенія этого способа. Въ самомъ дѣлѣ, онъ чрезвычайно сложенъ и вѣроятно ни самъ изобрѣтатель, ни его послѣдователи не понимали его. Много прошло времени, пока соединенія усилія Зонненштадта, Гумбольдта, Карстена и Буссенго объяснили намъ теорію этого способа. Веласкесъ же достигъ его одною только практикою, переходя отъ опыта къ опыту и недавая себѣ отчета въ своихъ опытахъ, что даже, судя по времени, въ которое онъ жилъ, было совершенно невозможно. Такимъ образомъ въ искусствахъ, иногда и безъ свѣта науки, можно дѣлать значительные открытия.

Древніе, безъ сомнѣнія, умѣли соединять разныя случайныя наблюденія, соглашать ихъ, переходить отъ одного изъ нихъ къ другому и изъ всего этого извлекать что-нибудь для основанія или усовершенствованія своей промышленности. Если они не были вполнѣ химиками, то имѣли нѣкотораго рода методу химиковъ — умѣніе наблюдать.

Греки во времена Гомера были мало знакомы съ Химіею. Они, усвоивъ себѣ различные химическія искусства, обработанныя Еги-

птянами, усвоили въ тоже время и ихъ невѣжество касательно причины дѣйствій, ими производимыхъ. Вообще, кажется, Греки были слишкомъ мало склонны къ подобного рода изслѣдованіямъ. Ученые мужи Гречіи спорили о метафизикѣ; если-же физика привлекала иногда ихъ вниманіе, то и въ то время они не прибѣгали къ опытамъ. Главное занятіе ихъ было создавать теоріи, подававшія поводъ къ спорамъ. Иногда однакожъ и между ними появлялись гениальные наблюдатели природы. Такъ на-пр. Фалесъ училъ, что вода есть тѣло сложное и заключающее въ себѣ воспламенительное начало, которое есть главный дѣятель горѣнія. Замѣчательно также мнѣніе Демокрита относительно существованія атомовъ, основанное на тѣхъ же предположеніяхъ, какія находимъ и у нынѣшніхъ физиковъ и химиковъ; но его гипотеза была виѣ предѣловъ Химіи, понимаемой въ собственномъ смыслѣ.

Незнаніе Химіи продолжалось и у Римлянъ. Дабы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочитать только Плінія. Правда, съ достовѣрностю можно сказать, что метода химиковъ, состоящая въ искусствѣ выпытывать природу посредствомъ опытовъ, была, безъ сомнѣнія, известна древнимъ; только въ эти отдаленные времена Химія не существовала еще какъ наука.

Но, если мы желаемъ сойти съ поля однѣхъ догадокъ, то должны возвратиться къ VIII вѣку, когда жилъ Геберъ, основатель школы арабскихъ химиковъ, авторъ «*Summa perfectionis*», самаго древняго химического сочиненія, какое только дошло до нась. Онъ собралъ здѣсь всѣ химическія свѣдѣнія Магометанъ. Его твореніе, написанное въ духѣ алхіміи, показываетъ намъ, что уже издавна вѣрили въ превращеніе металловъ; а мы знаемъ, что это заблужденіе, источникъ котораго совершенно неизвѣстенъ, суще-

ствовало въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Тамъ-же можно найти указанія на всеобщее лекарство. Въ самомъ дѣлѣ Геберъ предлагаетъ свой красный эликсиръ, который есть не что иное, какъ растворъ золота, и предлагаетъ его какъ лекарство отъ всѣхъ болѣзней, какъ средство продолжить жизнь до безконечности и молодить старость. — Онъ зналъ уже сѣрную печень, азотную кислоту, царскую водку, растворъ золота, азотокислую окись серебра, Ѣдкую сулему, красную окись ртути. Другой химикъ арабской школы *Альбуказъ*, жившій въ концѣ XII вѣка, описалъ перегонный алембикъ, равно какъ и перегонку укуса и вина. Слова *Alcali*, *Alcool*, *Aludel*, употребляемыя до-нынѣ, происхожденія арабскаго.

Химическія свѣдѣнія, которыми издавна обладали Арабы, проникли въ Европу не ранѣе крестовыхъ походовъ. Однако всѣ эти свѣдѣнія были не что иное, какъ химическія разысканія, которые возбуждали ученыхъ и были долгое время побудительною причиной къ занятіямъ, какъ единственный предметъ ихъ надеждъ. Такимъ образомъ, Химія ограничивалась у алхимиковъ добываніемъ философскаго камня. Сочиненія ихъ были писаны символическимъ языкомъ и наполнены грезами, въ высшей степени нелѣпыми. Естественно, что алхимики находили много послѣдователей между людьми, которые любили все чудесное и которые охотно предавались имъ, не страшась наимѣшкъ философовъ. Въ средніе вѣки вообще были убеждены, что тайна жизненнаго эликсира и философскаго камня (*) была достояніемъ только небольшаго числа посвященныхъ. Огонь считался тогда всеобщимъ дѣятелемъ, могущество котораго безгранично; ничто

(*) Слово камень алхимики не всегда принимали въ буквальномъ смыслѣ; но означали имъ какой-то составъ, имѣющій свойство превращать неблагородные металлы въ золото, увеличивать его, и продолжать жизнь до безконечности.

не могло совершиться безъ него; съ нимъ все возможно, даже превращеніе металловъ. Преувеличенніе понятіе о силѣ огня обманывало алхимиковъ. Они замѣтили, что помощью огня руды изъ землянистаго состоянія могутъ перейти въ металлическое; вообразили, что земли достигали бы тогда такой степени совершенства, которое позволяло бы надѣяться чего нибудь новаго, и заключили изъ этого, что огонь, хорошо направленный, можетъ привести простые металлы въ состояніе болѣе совершенное. Отсюда возникла идея о превращеніи ихъ въ серебро и золото. Для отвращенія умовъ отъ этихъ идей, глубоко въ нихъ вкоренившихся, нужны были многолѣтніе опыты, многочисленныя и трудныя усиленія, не вознаграждаемыя никакими успѣхами и разительные примѣры того жалкаго состоянія, въ какое приводила людей эта плачевная манія. — Впрочемъ алхимики, какъ во время своего господства, такъ и во время паденія, своими грезами всегда приносили много пользы Химіи, описывая безъ утайки и оговорокъ всѣ тѣ явленія, которые казались имъ бесполезными для достиженія той цѣли, какая была постояннымъ предметомъ ихъ занятій; хотя въ тоже время съ ревнивою заблудливостью берегли они и всеми силами старались утаить опыты, относящіеся къ открытію философскаго камня. Чудное заблужденіе, заставлявшее ихъ презирать истину и обожать предразсудокъ! Удивительный удѣлъ знанія, въ которомъ они, усвоивая себѣ ложныя и вредныя идеи и скрывая ихъ, какъ завѣтную тайну, съ расточительностію и безъ сожалѣнія разсѣвали идеи, истинныя и необходимыя для успѣховъ человѣчества!

Въ числѣ знаменитѣйшихъ алхимиковъ, послѣ Гебера, мы находимъ англичанина, францисканскаго монаха, Рожера Бакона, жившаго около 1230 году. Онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ. «Opus maius», въ которомъ особенно замѣчательна одна глава объ искус-

ствѣ производить опыты. Въ этомъ сочиненіи поражаетъ нась точность и всеобщность познаній Бакона; но надо пожалѣть о томъ, что излишнее легковѣріе часто заставляло его съ довѣрчивостю принимать ложные факты. Онъ имѣлъ ясныя понятія о Физикѣ, а въ Химії, гдѣ только онъ касался ея, надобно-бы удивляться точности нѣкоторыхъ его взглядовъ, если-бы только не было въ немъ чрезмѣрной привязанности къ своимъ алхимическимъ идеямъ. Почти въ тоже самое время является другое лицо, соперникъ Бакона по глубокимъ и разнообразнымъ познаніямъ, который также заслужилъ название магика. Это былъ *Албертъ Большадтскій*, доминиканецъ, болѣе известный подъ именемъ Алberta Великаго. Онъ родился въ Швабіи, въ 1205 г. Ему приписываютъ много сочиненій, изъ которыхъ болѣе известно его разсужденіе: «*De mineralibus et rebus metallicis*». Здѣсь онъ излагаетъ и разбираетъ мнѣнія Гебера и алхимиковъ арабской школы: онъ принимаетъ ихъ способъ воззрѣнія на свойства металловъ, усвояетъ себѣ ихъ идеи о зарожденіи этихъ тѣлъ, прибавляя къ нимъ собственныя наблюденія, преимущественно тѣ, которыя имѣлъ случай собрать при осматриваніи рудниковъ и извлечении металловъ.

Въ эпоху славы Рожера Бакона и Алberta Великаго, является во Франціи Арнольдъ Вильнѣвъ, человѣкъ заслужившій таковую же знаменитость, какъ и эти славные химики. Онъ говорилъ о пользѣ перегонки и распространялъ свѣдѣнія о многихъ важныхъ предметахъ, добытыхъ этимъ способомъ. Въ своемъ разсужденіи: «*Antidotarium*», онъ говорить, что, перегоняя старое красное вино, можно получить горячую воду, превосходную для лечения паралича. Въ другомъ его разсужденіи: «*De conservanda juventute*» мы находимъ: «Рѣчь о винной водѣ, которую нѣкоторые называютъ во-

дою жизни и пр.» — Такой способъ выраженія показываетъ, что эта жидкость была уже извѣстна и даетъ намъ право думать, что Арнольдъ играетъ здѣсь роль болѣе историка, чѣмъ изобрѣтателя. Полагаютъ также, что онъ изобрѣлъ терпентинное масло. Сверхъ того ему извѣстна была, подобно другимъ алхимикамъ того времени, тайна философскаго камня; онъ предлагаетъ даже рецептъ какъ дѣлать золото, но въ выраженіяхъ неудобопонятныхъ. Многочисленныя сочиненія Арнольда Вильнѣва наполнены фактами и наставительными подробностями; но слогъ его, исполненный педантизма, весьма затрудняетъ чтеніе этихъ сочиненій.

Самый вѣрный типъ химиковъ сего времени является въ лицѣ Раймонда Люллія, испанца по рождению, изобрѣтателя «*Aeanora*» и всеобщаго лекарства, «Доктора осіяннаго» (*Docteur illuminé*) и ученика Арнольдова. Жизнь его исполнена приключений. Онъ долго путешествовалъ и оставилъ множество сочиненій, въ которыхъ замѣтны всеобъемливость и обширность его познаній и въ которыхъ встѣщается странная смѣсь Богословія, потому что онъ былъ монахъ,—Физики и Химіи, потому что онъ страстно любилъ всѣ химическія изслѣдованія, и наконецъ Медицины, по причинѣ его сношеній съ Арнольдомъ Вильнѣвомъ, который пламенно занимался этой наукой. Говорятъ, что Раймондъ Люллій превращалъ обыкновенные металлы въ золото въ присутствіи Эдуарда 1-го. Немного позже въ самомъ дѣлѣ находимъ мы въ сочиненіяхъ *Ripleya*, Англійскаго алхимика, умершаго въ 1490 г., наставленіе, которое часто было повторяено алхимиками, о томъ, какъ добывать философскій камень. Онъ зналъ также съроокислую окись ртути, которую перегонялъ съ селитрою и получалъ печистую азотную кислоту. Эта азотная кислота служила ему для растворенія серебра и ртути. Онъ употреблялъ

е также для растворенія золота, но въ этомъ случаѣ вводилъ «растительную ртуть», которой свойство намъ неизвѣстно.

Послѣ Риплея исторія Химіи представляетъ намъ довольно продолжительный промежутокъ. Мы встрѣчаемъ только маловажныхъ алхимиковъ, которыхъ сочиненія совершенно непонятны. Немного позже явился *Василий Валентинъ*, изобрѣтатель амміака и авторъ сочиненія: »*Currus triumphalis Antimonii*«, изданаго въ 1414 г. Въ этомъ сочиненіи онъ излагаетъ способъ получать сурьму, одно изъ тѣль, надъ которыми алхимики долгое время истощали свое неутомимое терпѣніе. Съ этого времени начали употреблять этотъ металъ въ медицинѣ, въ которой онъ игралъ важную роль.

Начало XVI вѣка замѣчательно введеніемъ въ медицину нѣкоторыхъ химическихъ изобрѣтений. Это нововведеніе приписываютъ *Парацельсу*, столь славному излечиваніемъ болѣзней, считавшихся до тѣль неизлечимыми. Онъ отвергъ *Галеніеву Фармацевтику* и придалъ Химіи извѣстность. Правители города Базеля предложили ему въ 1527 году занять первооткрытую въ мірѣ каѳедру Химіи. Парацельсъ, кромѣ четырехъ стихій Аристотеля, допускалъ еще пятую, образующуюся изъ соединенія этихъ четырехъ въ ихъ совершиеннѣйшой формѣ. Для него на-прим. огонь несовершенно жарокъ, вода несовершенно влажна; и онъ полагаетъ возможнымъ отдѣлить качество отъ формы. Въ этомъ-то смыслѣ онъ утверждаетъ, что изъ 4-хъ «стихійныхъ стихій», какъ выражались тогда, можно образовать пятую, которая можетъ имѣть всѣ ихъ качества, не имѣя однакожъ ихъ формы. — Вотъ «предустановленный элементъ», — квинтесенція Раймонда Люллія. Итакъ подъ этою квинтесенціею онъ понималъ всѣ чистѣйшія части четырехъ стихій и старался найти этотъ предустановленный элементъ, или, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь

близкое къ нему. Кромѣ четырехъ стихій, кромѣ стихій представлена, Парацельсъ принималъ еще три совершенно отдѣльныхъ начала тѣль. — Названія: *соль*, *спры* и *ртуть*, которые сдѣлались столь извѣстными и которые означаютъ собою три начала смѣшанныхъ тѣль, принятыя еще Василемъ Валентиномъ, занимаютъ важное мѣсто въ ученій Парацельса и составляютъ предметъ несогласій, болѣе и болѣе увеличивавшихся между мнѣніями химиковъ и философовъ. Подъ солью, спрою и ртутью надо разумѣть три элемента, которые допускаются химиками и противопоставляются ими четыремъ элементамъ Аристотеля. Такимъ образомъ, если этотъ новый способъ воззрѣнія соединимъ съ тѣмъ, какой употреблялъ Парацельсъ во многихъ другихъ случаяхъ, то поймемъ, какъ этотъ странный человѣкъ могъ такъ сильно поколебать воображеніе современниковъ и произвѣсть продолжительную революцію въ умахъ ихъ; поймемъ также, почему онъ не могъ не быть предметомъ преувеличенныхъ возгласовъ. Одни называли его вторымъ Эскулапомъ, давали ему титулъ царя химиковъ, монарха таинствъ; другие приписывали ему болѣе безстыдства, нежели заслугъ, и утверждали, что славнымъ именемъ своимъ, онъ обязанъ болѣе своимъ странностямъ, нежели своимъ дарованіямъ. Онъ самъ былъ причиной этого разногласія: онъ говорилъ о медикахъ своего времени съ крайнимъ презрѣніемъ; онъ опять пустилъ въ ходъ странное ученіе Раймонда Люллія о всецѣлебномъ лекарствѣ и умеръ на 48 году своей жизни, между тѣмъ какъ самъ хвалился, что знаетъ тайну продолжать жизнь до бесконечности. Впрочемъ, какія-бы ни были заслуги этого знаменитаго человѣка, онъ возбудилъ однакожъ зависть въ однихъ и соревнованіе въ другихъ. Его защитники и противники ревностно трудились и эта жажда познаній разширила

предѣлы Химії и содѣлаа ея ученіе болѣе систематическимъ и правильнымъ.

Фан-Гельмонтъ слытъ магикомъ и за то подвергнулся суду инквизиціи. Онъ имѣлъ обширныя познанія, геніальный и философической умъ. Онъ первый придумалъ название *газъ*, которое придавалъ упругимъ жидкимъ тѣламъ, для отличія отъ собственно называемаго воздуха. Онъ издалъ объясненіе явлений животной экономіи, каковы напр., улучшения животныхъ, припадки, причиняемые парами угля или броженіемъ жидкостей. Онъ приписывалъ заразительныя болѣзни зловреднымъ парамъ, плавающимъ въ воздухѣ.

Послѣ того мы встрѣчаемъ *Кассія*, который далъ свое имя *турпуровой осадкѣ золота*, и *Либавія*, известного по изобрѣтенной имъ дымящейся жидкости и *Alchimia* которого есть весьма хорошее сочиненіе по тогдашнему времени. Наконецъ явился *Глауберъ*, которому мы обязаны различными открытиями, но который въ своихъ сочиненіяхъ, впрочемъ весьма замѣчательныхъ, часто употребляетъ надутый слогъ, что замѣтно напр., въ наименованіи: «удивительная соль», которое онъ придалъ сѣро-кислой содѣ. По смерти Шарца былъ изданъ въ 1546 году славный трактатъ *Georga Agricola*: *De re metallica*, первое известное намъ металлургическое сочиненіе. Продолжателемъ этого дѣла былъ *Лазаръ Эркеръ*, написавшій сочиненіе: «*Aula subterranea*», изданное въ Прагѣ въ 1574 г., и Германія долгое время была металлургическою школою для всей Европы.

Послѣ Эркера жилъ *Бернардъ-Палиссій*, которому послѣ многихъ неудачъ и тщательныхъ изысканій удалось приготовить фаянсъ. Онъ оказалъ большія услуги Химії и былъ первымъ профессоромъ естественной исторіи во Франціи. Онъ оставилъ очень замѣчательное сочиненіе, въ видѣ разговора между практикою и теоріею, гдѣ

разсудительно и глубокомысленно излагаетъ основанія естественной философіи, утвержденія на наблюденіи и опытѣ.

Однако, Химія только въ XVII вѣкѣ сдѣлалась самостоятельную наукю. Въ это время канцлеръ *Баконъ* доказывалъ нелѣпость и неосновательность прежнихъ изслѣдованій; утверждалъ, что тайны природы открываются только посредствомъ изученія ея самой и что опытъ и наблюденія должны быть единственными руководителями при ея испытаніи. Вотъ новый ходъ, новое направленіе, которое онъ далъ наукамъ и которому удачно слѣдовали его преемники. Въ день смерти этого великаго мужа явился славный *Боэль*. Изобрѣтеніе барометра, сдѣланное *Торичелли*, и пневматической машины, открытой *Отто-де-Герикомъ*, вмѣстѣ съ опытами *Боэля* въ безвоздушномъ пространствѣ, подали новые средства къ дальнѣйшему развитію Химіи. *Боэль* былъ богатъ и богатство свое употреблялъ на пользу естественныхъ наукъ. Труды егоувѣнчаны были такимъ успѣхомъ, что имя его внесено въ списокъ благодѣтелей рода человѣческаго. Его изслѣдованія были высоко цѣнены *Ньютономъ*, и оказали столько-же услугъ Химіи, какъ и естественной философіи.

Теперь приближаемся мы къ той эпохѣ, когда учреждены были три важныя ученыя общества, много содѣйствовавшія успѣхамъ наукъ. Первымъ изъ нихъ была *Академія del Cimento*, основанная въ 1651 г. и прославившая Тоскану. Спустя одинадцать лѣтъ, въ 1662 г., было основано *Лондонское королевское общество*, предназначеннное играть роль, не менѣе блестательную и болѣе продолжительную. Въ 1680 г. *Боэль* былъ избранъ президентомъ этого общества, но никогда не занималъ своего мѣста. Наконецъ въ 1666 г. основана была королевская *Академія наукъ* въ Парижѣ, считавшая между своими первыми членами *Николая Лейбніца*, который можетъ служить

типомъ химиковъ того времени. Онъ ввелъ преподаваніе Химіи въ Англіи и Франції. Читая нѣсколько лѣтъ химической лекціи въ ботаническомъ саду въ Парижѣ, Лефёвръ перешелъ потомъ въ Англію по призыву Іакова II, желавшаго вручить ему Сенъ-Джемскую лабораторію, основанную при открытии королевскаго общества. Въ своемъ *«Traité de Chimie raisonnée»*, сочиненномъ въ Лондонѣ, но написанномъ на языке французскомъ, онъ старается разгадать различныя явленія, которая описываетъ въ порядкѣ, ясно и систематически. Лефёвръ различаетъ три рода Химіи: химію философскую, фармацевтическую и ятрохимію. Съ большимъ уваженіемъ говоритъ о Химіи, между тѣмъ какъ о схоластической физикѣ отзыается съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ Химіи онъ допускаетъ пять элементовъ: *влагу* или воду, *духъ* или ртуть, *спру* или масло, *соль* и *землю*. Эти пять элементовъ представляютъ вѣрный образъ перегонки. Такимъ образомъ, тогда какъ Аристотель при опредѣлениі своихъ четырехъ элементовъ, очевидно руководствовался однимъ только сожиганіемъ дерева, Лефёвръ былъ приведенъ къ мысли о пяти элементахъ результатами, которые онъ получилъ изъ растительныхъ веществъ, подверженыхъ не сожиганію, а дѣйствію огня въ закрытыхъ сосудахъ. Впрочемъ онъ чувствовалъ нужду допустить еще одинъ новый элементъ, нѣсколько похожій на квинтесценцію или представлений элементъ Парацельса, который и назвалъ *всеобщимъ духомъ «esprit universel»*. Онъ никогда его не видѣлъ, не могъ дать отчета въ его свойствахъ; но, судя по роли, которую этотъ элементъ игралъ у него, вѣроятно это была кислородъ, который, какъ можно думать, показался ему, и однакожъ идея его о немъ всеѣбыла сбивчива и темна.

Лефёвра въ ботаническомъ саду замѣнилъ Глазеръ, открывшій

многополезную соль *«sel polychrest»*, которая была не что иное, какъ сѣрнокислое кали. Онъ оставилъ сочиненіе, впрочемъ не весьма замѣчательное, подъ заглавіемъ: *Traité de la Chimie enseignant par une briefve et facile méthode toutes ses plus nécessaires préparations.*

Робертъ Гукъ, современникъ Бозеля, занимаетъ почетное мѣсто между учеными того времени. — Его теорія о горѣніи достойна вниманія. Понятіе о ней дадутъ слѣдующія слова изъ его *Микрографіи*: 1) Воздухъ, среди котораго мы живемъ и которымъ дышимъ, обнимаетъ тѣла со всѣхъ сторонъ; все заставляетъ думать, что онъ есть всеобщий растворитель сѣрнистыхъ тѣлъ. 2) Онъ дѣйствуетъ только послѣ нагрѣванія тѣлъ: это условіе, кажется, также необходимо для ихъ растворенія въ разныхъ веществахъ. 3) Этотъ растворъ производить значительную теплоту, которую мы называемъ огнемъ; такой результатъ есть общій для множества растворовъ. 4) Это дѣйствіе происходитъ часто съ такою быстротою, что производить движение въ воздухѣ, при которомъ появляется свѣтъ. Сочиненіе подъ заглавіемъ: *Lampas*, которое онъ издалъ въ 1677 г., развиваетъ еще далѣѣ эти начала; его понятія о теоріи пламени показываютъ проницательность его ума.

Химики этой эпохи смотрѣли на огонь, какъ на особенный элементъ вещества и думали, что его можно сдѣлать очевиднымъ, подвергая нѣкоторымъ измѣненіямъ. Эти мнѣнія были опровергнуты въ 1629 году Іоанномъ Рейемъ, докторомъ Перигорскимъ. Одинъ Бержеракскій аптекарь, расплавивъ 2 фунта 6 унцій олова, примѣтилъ, что оно все превратилось въ извѣсть, а вѣсь увеличился 7-ю унціями, чѣмъ, очевидно, противорѣчить отдаленію огня въ расплавленномъ веществѣ. Онъ совѣтовался въ этомъ случаѣ съ Рейемъ и тотъ въ 1650 году издалъ сочиненіе, въ которомъ утверждаетъ, что

увеличение вѣса произошло отъ поглощенія окружающаго воздуха. Однако это умное наблюденіе въ послѣдствіи было забыто или не замѣчено.

Въ 1674 году Джонъ Майовъ (John Mayow) въ одномъ, изданномъ имъ, сочиненіи, принялъ мнѣніе Гука. По словамъ его, воздухъ заключаетъ въ себѣ тоже начало, которое находится въ селитрѣ. Это начало необходимо для жизни и огня. Металлы во время плавленія поглощаютъ его, отъ чего происходитъ увеличение ихъ вѣса. Онъ утверждаетъ также, что азотная кислота дѣйствуетъ такимъ-же образомъ, что тоже начало производить кислоты, и что наконецъ этотъ-же самый дѣятель необходимъ для дыханія, пропиранія и горѣнія. Эти идеи, равно какъ и идеи Рейя, ясно указываютъ на кислородъ и суть славныя предсказанія его дѣйствій, которые позже весьма точно были опредѣлены учеными.

Изобрѣтеніе термометра, приписываемое одними доктору Санкторію, другими Голландцу Корнелію Дреббелю, доставило химикамъ очень важное пособіе при ихъ изслѣдованіяхъ. Санкторій родился въ Капо-д'Истріи въ 1561 г., а умеръ въ Венеціи въ 1636 г. Термометръ былъ усовершенствованъ Академиками del Cimento, которыми мы одолжены многими замѣчательными открытиями, какъ напр. наблюденіями надъ разширеніемъ и замерзаніемъ воды и пр. Эти опыты описаны въ сочиненіи: »Tentamina experimentorum naturalium captorum in Academia del Cimento« и пр., изданномъ Петромъ Мушенброкомъ, въ 1731 году.

Ньютона сдѣлалъ термометръ, наполненный льнянымъ масломъ, потому что эта жидкость могла переносить высокія температуры. Дѣленіе градусовъ начинали на точкѣ замерзанія; другою точкою была температура крови человѣческаго тѣла. Разстояніе между

этими двумя точками дѣлилось на 12 равныхъ частей. Помощію этого снаряда, Ньютонъ опредѣлилъ многія температуры, представленныя имъ въ таблицѣ.

Между членами Парижской Академіи науки особенно были замѣчательны: Гомбергъ, Жофруа и два Лемери.

Гомбергъ, немецкій дворянинъ, былъ ревностный испытатель; онъ много путешествовалъ и посѣтилъ всѣхъ славнѣйшихъ химиковъ своего времени, а именно: Кункеля, Бодуэня и др. Онъ издалъ множество отдельныхъ записокъ, наполненныхъ разными открытиями, которыхъ его современники старались сохранить въ-тайнѣ. Онъ открылъ борную кислоту, которую назвалъ: »солью утолителною«, (*sel sédatif*), квасцовыи пирофоръ и свой фосфоръ, который есть не что иное, какъ расплавленный кисло-хлористый кальцій.

Старшій Лемери, которого часто называли великимъ Лемери, преподавалъ съ большою славою Химію сперва въ Монпелье, а потомъ, въ теченіи 25 лѣтъ, въ Парижѣ. Въ 1675 г. онъ издалъ курсъ Химіи, отличающійся простотою языка и ясностію описаній. Пріемы его просты, подробности точны, выраженія ясны и несбивчивы. Въ сравненіи съ Лефѣвромъ, Лемери представляетъ намъ, сообразно съ обыкновеннымъ ходомъ человѣческаго духа, человѣка положительного, замѣнившаго собою человѣка съ воображеніемъ. Смотря съ этой точки на Лемери, мы увидимъ, что онъ принесъ много пользы; всѣ химики того времени слѣдовали его ученію. Онъ умеръ въ 1715 г., оставивъ по себѣ сына, который тоже занимался Химіею, но съ меньшимъ успѣхомъ.

Жофруа старшій первый издалъ въ 1718 г. таблицы химического сродства; съ Парижской фармакопею соединилъ онъ различные химическія свѣдѣнія своего времени.

Приближаясь къ весьма замѣчательной эпохѣ въ развитіи теоретической Химії, мы на первомъ планѣ увидимъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ мужей, у котораго всѣ способности равно развиты, и который съ равнымъ успѣхомъ занимался Богословіемъ, Политикою, Исторіею, Математикою и Химіею: это *Бехеръ*, родившійся въ Шпайерѣ около 1635 г., творецъ сочиненія: *Physica subterranea*, названнаго Шталемъ: »Opus sine pari.«

Между сочиненіями Бехера болѣе замѣчательное для насъ есть: »*Tripus Hermeticus fatidicus, pandens oracula chymica.*« — Онъ усовершилъ лабораторные снаряды такъ, что мы и нынѣ еще пользуемся нѣкоторыми изъ нихъ. Подобно Химикамъ своего времени, Бехеръ не всегда понятенъ для насъ, но вы полюбите его слогъ, точный и свободный; а его мысли, всегда ясныя и умныя, поразятъ и увлекутъ васъ. Кажется, Бехеръ первый яснымъ образомъ доказалъ существованіе тѣль сложныхъ и несоставныхъ. Его подземная физика въ точныхъ выраженіяхъ показываетъ различіе между Химіею и схоластическою философіею. Но слава Бехера преимущественно основывается на учени о трехъ стихіяхъ, которая онъ называетъ *тремя землями*, именно: землею стеклоторвoroю, или землянистою стихіею, землею воспламеняющеюся, или горючею стихіею, и землею ртутною, или металлическою стихіею. Потомъ онъ допускаетъ еще два элемента: воздухъ и воду. Кислоты, по его мнѣнию, происходятъ отъ соединенія воды и земли; камни суть соединенія двухъ земель и наконецъ металлы образуются изъ трехъ земель въ разныхъ пропорціяхъ. Любопытно замѣтить, что Бехеръ, который столько твердилъ о материальномъ свойствѣ веществъ, производящихъ химическія явленія, равно какъ и его kommentаторъ

Шталь, мало обращаютъ вниманія на одно изъ самыхъ ощущительныхъ свойствъ вещества — на тяжестъ.

Славный изобрѣтатель флогистической теоріи, Георгъ Эриестъ Шталь, родившійся въ Аншпахѣ въ 1660 г., первый медикъ короля Пруссіаго, которому мы одолжены познаніемъ лучшихъ сочиненій Бехера, вѣроятно почерпнулъ зародышъ своихъ идей въ писаніяхъ этого послѣдняго. Всѣ сочиненія Штала показываютъ геній обширный, умъ проницательный и обогащенный всякаго рода познаніями. Въ это мрачное время мысль Штала была похожа на блескъ молніи среди мрака заражающейся науки. Однако слогъ его тяжелъ, скользъ, сбивчивъ. Его сочиненія, и особенно послѣдній томъ его основаній Химії — представляютъ чудную смѣсь языковъ Латинскаго и Нѣмецкаго.

Кромѣ изданія и объясненій Бехерової »*Physica subterranea*«, Шталь оставилъ намъ много сочиненій, которая суть: »*Experimenta et observationes*«, »Трактатъ о спрѣ«, »*Fundamenta Chymiae dogmaticæ et experimentalis*«, и »Трактатъ о соляхъ«. — Подобно Бехеру, нашедши стихіи Аристотеля неудобоприложими къ явленіямъ химическимъ, онъ отвергъ ихъ и искалъ другихъ несоставныхъ тѣль, которая можно было бы почесть за истинныя основанія Химії. Если-бы онъ принялъ за стихіи металлы или разныя видоизмененія ртутной земли Бехера, и если-бы окиси признавалъ тѣлами сложными, произшедшими отъ этихъ тѣль простыхъ; то его теорія была-бы сообразна съ нашими понятіями и съ учепiemъ Лавуазье. Но онъ поступилъ и долженъ былъ поступить на-оборотъ: въ окисяхъ онъ видѣлъ тѣла простыя, а въ металлахъ сложныя. Вотъ его основная ошибка, изъ которой вытекаютъ всѣ другія. — Но въ этомъ случаѣ онъ состоялъ подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ то вре-

ия понятій о свойствѣ металловъ, считавшихся тѣлами сложными,— понятій, которыя передавались изъ вѣка въ вѣкъ и которыхъ никто не думалъ подвергнуть сомнѣнію. По Шталю, земли, нынѣ окиси, неразложимы; съ ними могло соединяться вещество, не точно опредѣленное, которое онъ называлъ флогистическимъ и отъ этого соединенія рождались металлы. Посему металлы должны были содержать въ себѣ флогистонъ. Всѣ горючія вещества вообще, и преимущественно уголь, имѣли его въ себѣ еще болѣе. Горѣніе тѣла всякой разъ происходитъ отъ того, что оно освобождается отъ флогистона; а онъ отдѣляется тѣмъ болѣе, чѣмъ воспламенительнѣе тѣло. Если окись свинца, или какъ называли тогда, свинцовая извѣстъ, нагрѣтая на угляхъ, переходитъ въ металлическое состояніе; то это значитъ, что уголь, сгорая, освободилъ свой флогистонъ, который и соединился съ окисью.

Такимъ образомъ теорія Штала отличается отъ нашей только тѣмъ, что онъ видѣлъ соединеніе тамъ, гдѣ мы видимъ разложеніе и vice versa. Для оправданія идеи Штала, ему недоставало только обратить вниманіе на показанія вѣсовъ; ибо въ ту-же минуту являются неопровержимыя возраженія. Свинецъ, по нашему окисляющейся, по теоріи Штала разфлогистившійся, увеличивается въ вѣсѣ; и такъ потеря одного изъ его началъ придаетъ ему большій вѣсъ. Съ другой стороны окись свинца, восстановляемая углемъ, пріобрѣтаетъ флогистонъ; и такъ она должна была бы вѣсить болѣе, нежели предъ ея восстановленіемъ; между-тѣмъ какъ на дѣлѣ она уменьшается въ вѣсѣ. Понятіе о вѣсѣ не имѣть никакого мѣста въ химической теоріи Штала; единственнымъ руководителемъ его есть понятіе о формѣ. Вотъ что составляетъ существенное различие между теоріею Штала и теоріею Лавуазье. И хотя можно сказать, въ похвалу ученія Штала, что теорія его почти въ теченіе вѣка удовле-

творяла потребностямъ науки; но при-этомъ необходимо должно замѣтить, что она удовлетворяла только въ отношеніи къ явленіямъ, опредѣленнымъ уже Штalemъ; когда-же наблюденіе дѣлало шагъ далѣе, то эта теорія изнемогала. — Когда Лавуазье началъ потрясать теорію флогистиковъ, тогда поняли всю силу возраженій, вытекающихъ изъ вѣса. Одняко послѣдователи ея старались защитить флогистонъ тонкостю умствованій, допуская, что онъ имѣеть вѣсъ отрицательный. Помощю этого средства изъясняли, или по-крайней-мѣрѣ старались изъяснить, какъ соединеніе флогистона съ другими тѣлами дѣлаетъ ихъ сравнительно болѣе легкими, потому что ихъ истинный вѣсъ долженъ быть уменьшенъ количествомъ, равнымъ отрицательному вѣсу соединенного съ ними флогистона. Однако ученіе флогистиковъ всегда будетъ имѣть интересъ; ибо оно, можно сказать, окончило борьбу между схоластическою физикою и опытною химіею.

Въ числѣ химиковъ, современныхъ Штalu, не должно забывать Брандта и Кункеля, которые открыли фосфоръ. Мѣсто директора стеклянаго завода, которое занималъ Кункель, заставило его издать множество фактовъ о финифтяхъ или цвѣтныхъ стеклахъ. Онъ открылъ также азотный эоиръ.

Германъ Бозргасъ заслуживаетъ также почетное мѣсто между учеными этого времени. Онъ родился въ Лейденѣ въ 1668, а умеръ въ 1738 г. Онъ не сдѣлалъ важныхъ открытій, но ясность его уроковъ, его краснорѣчіе сильно содѣйствовали распространенію химическихъ свѣдѣній. Въ его сочиненіи, изданномъ въ 1732 г., находится много его опытовъ надъ свѣтомъ и теплотою.

Галесъ въ 1724 г. произвелъ много наблюденій надъ воздухомъ и другими газообразными тѣлами. Эти опыты еще болѣе были успешны въ рукахъ гениального

Блака, Эдимбургца, въ 1756 г. — Его занятія въ частности относились къ перемѣнамъ, происходящимъ въ мѣль, подверженномъ дѣйствію огня. Онъ нашелъ, что это тѣло, безвкусное до дѣйствія огня, становится Ѣдкимъ послѣ него; доказалъ, что мѣль уменьшается въ вѣсѣ отъ дѣйствія огня, слѣдовательно теряетъ чѣто. Такимъ образомъ пришелъ онъ къ открытію тѣла воздухообразнаго, отвердѣлага въ обыкновенномъ состояніи, но освобождающагося при дѣйствіи сильнаго жара; онъ назвалъ его *воздухомъ постояннымъ* (*air fixe*); мы знаемъ его нынѣ подъ именемъ углекислоты. Шотландскій химикъ также уѣдился, что это газообразное тѣло можетъ соединяться съ Ѣдкими окислями, какъ-то: съ магнезіею, натромъ и кали и тогда дѣлаетъ ихъ сладкими; что потомъ огонь освобождаетъ углекислоту и дѣлаетъ эти тѣла снова Ѣдкими. Сверхъ того Блакъ занялся изслѣдованіями надъ теплотою: онъ увидѣлъ, что, во время таянія льда или снѣга, термометръ остается неподвижнымъ и никогда не переходитъ 32° Фаренгейта или 0° Реомюра. Этотъ фактъ привелъ его къ теоріи о скрытой теплотѣ. Ему мы обязаны также множествомъ опытовъ надъ парами и вообще надъ дѣйствіями, происходящими при превращеніи жидкіхъ тѣлъ въ твердые, твердыхъ въ жидкія и газообразныя.

Марирафъ обогатилъ Химію двумя новыми землями, опредѣляя свойства *магнезіи* и *глиозема*. До этого времени различали только двѣ земли: известіе и кремнеземъ. Но что касается до кремнезема, то мы знаемъ нынѣ, что онъ не земля, а кислота. Онъ первый открылъ, что изъ сока, сгущеннаго въ корняхъ многихъ растеній, свойственныхъ климату Европы, преимущественно изъ свекловицы, можно извлекать кристаллический сахаръ, и что для этого достаточно обливъ водной экстрактъ извицемъ (*Alcool*), который оставляетъ каме-

листыя частицы нерастворенными. Онъ открылъ также существованіе фосфорнокислыхъ солей въ уринѣ.

Въ 1770 г. Докторъ Рутерфордъ нашелъ новый газъ, который входитъ въ составъ различныхъ веществъ, именно: азотъ. Онъ доказалъ, что животныя, находясь въ извѣстномъ количествѣ атмосфернаго воздуха, освобождаютъ постоянный воздухъ, т. е. углекислоту, и что, если эта послѣдняя потомъ будетъ поглощена Ѣдкимъ поташемъ, то остающееся количество газа потушаетъ тѣла горячія и не осаждаетъ известковой воды, какъ это дѣлаетъ углекислота.

Около 1773 г. появились три человѣка, которымъ суждено было измѣнить видъ химическихъ знаній. Это — Шеле, Пристлей и Лавуазье.

Шеле родился въ 1742 г. Получивъ аптекарское образованіе, онъ поселился въ маленькомъ городкѣ Кепингѣ, въ Швеціи. Не весьма счастливый въ своихъ сношеніяхъ съ свѣтомъ, любя уединеніе и скромность, онъ съ жаромъ предался химическимъ изслѣдованіямъ. Какъ химику, все ему удавалось; онъ разрѣшалъ самыя темныя задачи, при помощи самыхъ простыхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, не должно думать, чтобы Шеле пользовался тѣми спарядами, которые мы имѣемъ нынѣ; онъ не употреблялъ даже тѣхъ, которые были извѣстны химикамъ его времени. Посредствомъ весьма простаго спаряда онъ умѣлъ произвести всѣ свои открытия, столь замѣчательныя, что одного изъ нихъ было-бы достаточно для приобрѣтенія ему бессмертнаго имени въ лѣтописяхъ науки. Его гений, богатый познаніемъ опытовъ, имѣлъ удивительную практическую способность приводить ихъ въ исполненіе. Ни одинъ его опытъ не остался безъ нового открытия; въ каждой изъ его записокъ вы найдете три или четыре простыя тѣла, открытыхъ въ одно и тоже время. Въ примѣръ можно

привести его записку о черномъ марганцѣ, изученіе котораго привело его къ открытію марганца, хлора, барита, и, быть можетъ, кислорода, хотя онъ и не упоминаетъ объ этомъ послѣднемъ для того, чтобы подвергнуть его особенному изслѣдованію въ своемъ: »Trait  de l'air et du feu.« — Ему мы обязаны познаніемъ многихъ сложныхъ тѣлъ, какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ, какъ-то: кислотъ винной, молочной, слизистой, лимонной, чернильной, спиродисто-водородной, кремнефтористой, марганцовой, мышьяковой, молибденовой и волчецовой, изъ которыхъ каждая напоминаетъ намъ открытие Шеле. Между простыми тѣлами есть многія, которыя имъ найдены и разобшены, и многія, существованіе которыхъ онъ сдѣлъ вѣроятнымъ, изучая ихъ сложныя тѣла. Ему-то принадлежитъ открытие хлора. Онъ узналъ кислородъ, почти въ одно время съ Пристлеемъ. Его изслѣдованіе фтористаго кальція и фтористоводородной кислоты подало поводъ допустить существованіе начала, извѣстнаго подъ именемъ фтора. Если онъ не открылъ металлическаго барія, отдѣленіе котораго требуетъ употребленія силъ гальваническихъ, то по-крайней-мѣрѣ онъ зналъ баритъ, который оставался въ спискѣ простыхъ тѣлъ до времени возстановленія калия. Наконецъ онъ указывалъ на молибденъ и вольфрамъ въ кислотахъ молибденовой и волчецовой; для извлеченія этихъ металловъ достаточно было потомъ обжечь эти кислоты, смѣшавъ ихъ съ углемъ. Кромѣ того Шеле произвелъ много отдѣльныхъ наблюдений. Онъ опредѣлилъ свойства графита и открылъ много эѳерныхъ соединеній. Онъ узналъ истинный составъ атмосферного воздуха, полагая, что онъ состоитъ изъ двухъ началъ, изъ коихъ одно удобопоглощаемо сѣрнистыми щелочами и нѣкоторыми другими тѣлами, а другое, которое онъ называетъ *воздухомъ испорченнымъ*, остается неприкосновеннымъ. Съ дру-

гой стороны, получивши кислородъ при разложеніи посредствомъ огня, селитры, азотной кислоты, перекиси марганца, красной окиси, ртути, окиси серебра, онъ сталь весьма хорошо описывать свойства этого газа, который имъ названъ *воздухомъ огня* »air du feu«. Всякій разъ, когда дѣло идетъ о фактахъ, Шеле не погрѣшимъ; но, когда ему случится говорить объ общихъ теоріяхъ, то, къ сожалѣнію, онъ увлекается воображеніемъ, уносится имъ въ область отвлеченностей, которыхъ нельзя было ожидать отъ ума, столь основательнаго. Это происходитъ отъ того, что Шеле, подобно Бехеру и Шталю, придаетъ много важности измѣненіямъ формы тѣлъ, и почти не обращаетъ никакого вниманія на измѣненія ихъ тяжести. Отсюда проистекаетъ и то, что Шеле непогрѣшимъ, пока говорить о свойствахъ тѣлъ, ихъ способахъ соединенія между собою, но погрѣшаетъ на каждомъ шагу, когда касается вопросовъ, для решения которыхъ необходимо понятіе о вѣсѣ и употребленіе вѣсовъ.

Тогда, какъ этотъ славный мужъ, казалось, долженъ быть мирно наслаждаться плодами своихъ трудовъ, смерть вдругъ пресекла дни его на 44 году жизни, 22 Мая 1786 года. Разныя сочиненія Шеле переведены на Латинскій языкъ Шеферомъ и изданы Гебенштрейтомъ въ Лейпцигѣ въ 1787 году, подъ заглавіемъ: »Opuscula chemica et Physica«.

Въ то время, когда Шеле проводилъ въ Швеціи свою скромную, но блестящую жизнь, въ Англіи занимался изслѣдованіями того-же рода, другой мужъ также рѣдкаго ума. Это—Пристлей, имя котораго напоминаетъ открытие многихъ газовъ и который даже упредилъ Шеле въ открытии кислорода. Пристлей родился въ 1733 году. Будучи духовнаго званія, онъ началъ свое химическое поприще только на 33-мъ году жизни, когда случай свелъ его съ Франкліномъ. Раз-

говорь этого великаго мужа внушилъ ему желаніе изучить электрическія явленія. Такимъ образомъ пришла ему первая мысль написать свою исторію электричества. — Около 1768 г. онъ занялся пневматическою Химіею и производилъ изслѣдованія надъ постояннымъ газомъ (углекислотою), происходящимъ отъ броженія. Близость пивоварни облегчала его опыты. Позже, не имѣя уже этой удобности добывать постоянный газъ, онъ изобрѣлъ снаряды для произведенія и собирания газовъ по произволу. Въ промежутокъ времени отъ 1773 до 1780 г. онъ издалъ все, что сдѣлалъ болѣе замѣчательнаго въ наукахъ химическихъ, т. е. четыре своихъ первыхъ тома: «*Experiences et observationes sur les differentes espèces d'air*». Тогда, какъ Пристлей началъ свои изслѣдованія, извѣстны были только два газа: углекислота, которую называли *постояннымъ воздухомъ*, и водородъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ *вспламеняющаго газа*. Въ одно время съ Рутерфордомъ, онъ узналъ о существованіи азота, потомъ азотной окиси. Не много спустя онъ открылъ *хлористо-водородный* и потомъ *амміаковый газъ*, извѣстные уже съ давняго времени въ состояніи раствора: первый подъ именемъ *соляного спирта* (*esprit de sel*), а второй подъ именемъ *спирта амміаковой соли* или *летучей щелочи* (*esprit de sel ammoniaque ou alcali volatil*); но ихъ незнали въ видѣ газообразномъ. Послѣ этихъ газовъ онъ открылъ *азотистую окись*, потомъ *спирную кислоту*, наконецъ *кислородъ*. Эта послѣдній газъ онъ извлекъ изъ красной окиси ртути 1 Августа 1774 года; но только въ началѣ слѣдующаго года онъ узналъ его свойство поддерживать дыханіе и доказалъ его вліяніе на въ-ноznую кровь. Позже онъ собралъ надъ ртутью *кремнефтористый газъ* и газъ *окись углерода*. Всѣ эти открытия, какъ самъ онъ часто говорилъ, сдѣланы были случайно. Его скромность равнялась его

достоинствамъ. Онъ былъ, по собственному его сознанію, болѣе счастливъ, нежели геніаленъ и самъ удивлялся важности, какую придавали его открытиямъ. Онъ также первый открылъ освобожденіе кислорода изъ зеленыхъ частей растеній. Скончался въ 1804 г. въ Сѣверной Америкѣ, на источникахъ Сускеганагскихъ (*susquehannah*), гдѣ купилъ себѣ землю. Удивительно въ Пристлеѣ то, что послѣ столькихъ блестательныхъ открытий, послѣ наблюденія множества фактовъ, противорѣчащихъ флогистической теоріи, онъ такъ ревностно старался поддержать ее, что даже умеръ флогистикомъ, единственнымъ, быть можетъ, въ свое время.

Бергманъ, профессоръ Химії въ Упсалѣ, другъ и покровитель Шеле, въ 1779 г. издалъ свои физикохимическія сочиненія. Онъ съ большимъ успѣхомъ занимался химическимъ анализомъ, стоялъ выше предположеній и съ горячностью принималъ истину, согласную съ принятыми мнѣніями. Пользуясь своими сношеніями съ чужеземными учеными, онъ распространилъ открытия Шеле. Много занимался развитіемъ теоріи сродства и старался изъяснить явленіе сохраненія неутральности въ среднихъ соляхъ послѣ ихъ взаимнаго разложенія. Онъ произвелъ также много опытовъ надъ углекислотою, которую называлъ *воздушною кислотою* (*acide aërique*) и придумалъ снарядъ для насыщенія ею воды.

Кавендишъ въ 1767 году, слѣдовательно прежде Пристлея, утверждалъ, что воздухъ не есть стихія и что есть много родовъ воздуха, существенно различныхъ. Его сочиненіе можно положить основаниемъ открытий Пристлеевыхъ. Кавендишъ собиралъ газы надъ водою, вместо пузырей, употреблявшихся до него для этой же цѣли. Онъ отличилъ водородъ и открылъ составъ воды; наблюдалъ также образование углекислоты при горѣніи угля. Этому же химику

мы обязаны познаниями состава азотной кислоты, который онъ опредѣлилъ въ то-же время, когда Бертолетъ открылъ составъ амміака.

Кавендишъ доказалъ, что водородъ, сгущая, производить воду; но произведенная вода была въ незначительномъ количествѣ и чистота ея измѣнялась отъ небольшой примѣси азотной кислоты: обстоятельство, которое его антагонисты противопоставляли новымъ идеямъ. — Между тѣмъ Фуркруа, которого краснорѣчіе сдѣлало Химію народною, добылъ значительное количество воды и доказалъ, что примѣсь азотной кислоты происходитъ отъ частицъ азота, смѣшанныхъ съ кислородомъ. Ему-же обязаны мы открытиемъ многихъ сложныхъ тѣлъ, взрывающихся отъ удара.

До этого времени, для объясненія химическихъ явлений достаточно было флогистической теоріи Штала, или лучше, она была тогда всѣми принята. Но явился славный и несчастный Лавуазье, которому сужено было смѣлою рукою сорвать покровы, которые тщетно силилась поднять древняя Химія. Лавуазье родился въ Парижѣ, 16 Августа 1743 года. Послѣ предварительного блестящаго образования, мы видимъ его воодушевленного пламенною ревностию къ разнообразнымъ ученымъ занятіямъ, но всегда отличающагося глубокою основательностью, какъ человѣка, которого въ сильной степени занимаетъ и мучить потребность изобрѣтений. Первое химическое сочиненіе Лавуазье появилось въ 1770 году. Въ этомъ сочиненіи онъ предполагаетъ рѣшить весьма важный вопросъ: вода имѣеть-ли или нѣть свойство превращаться въ землю? Соображаясь съ понятіями своего времени и считая воду простымъ тѣломъ (ибо въ эту эпоху она еще не была разложена), превращеніе воды въ землю онъ почиталъ явленіемъ высочайшей важности, которое

могло бросить весма яркій свѣтъ на свойства одной изъ принимае-мыхъ тогда стихій.

Перегоняя воду въ продолженіе 101 дня въ пеликанѣ (стекля-ной перегонный сосудъ, тогда употреблявшійся), онъ нашелъ по-средствомъ взвѣшиванія, что стекло теряло, а вода приобрѣтала вѣсъ. Такимъ образомъ вода измѣнялась и увеличивалась въ плот-ности, въ слѣдствіе раствора нѣкотораго количества составныхъ частей стекла; но сама вода никако не превращалась въ землю. И такъ, Лавуазье первый началъ употреблять въ химическихъ изслѣ-дованіяхъ вѣсы — снарядъ, употребленіе которого почти было пре-небрегаемо его предшественниками. Около того-же времени Шеле, котораго мы можемъ считать однимъ изъ основателей химического анализа, произвелъ тотъ-же опытъ; онъ не ограничился простымъ взвѣшиваніемъ воды, но анализировалъ ее (*) и нашелъ, что она сдѣлалась щелочною и посему имѣла въ растворѣ нѣкоторое коли-чество кремнезема стекла. Такимъ образомъ эти два великие мужа различными путями дошли до одного и того-же результата, что вода никогда не превращается въ землю.

Съ 1772 г., еще прежде открытия кислорода, Лавуазье яснымъ образомъ показалъ (въ запискѣ, поданной имъ Академіи наукъ), что тѣла, сгущая, увеличиваются въ вѣсѣ, вслѣдствіе соединенія ихъ въ воздухомъ, и что можно потомъ воздухъ привести въ его перво-бытный видъ. «Это открытие, говоритъ Лавуазье, показалось мнѣ самымъ любопытнымъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ послѣ Штала.» — Мысль эту подтвердили его послѣдующіе труды, а торжественное подтвержденіе ея представило потомство.

(*) См. C. G. Scheele, Opuscula Chemica et Physica. Lipsiæ. 1788 p. 3 et 4.

Говорятъ, что Химія слагается изъ фактъ; но одни простые факты не составляютъ еще этой науки; ибо, давая общее опредѣленіе, образуя группы тѣль по свойствамъ подобнымъ или различнымъ, необходимо должно объяснить замѣченные факты, чтобы познать отношенія, связывающія ихъ между собою. При опредѣленіи уже есть дозианныя отношенія и свойства различныхъ классовъ, судя по важности, какую приписываютъ каждому изъ нихъ; следовательно, есть уже болѣе, чѣмъ одни факты, хотя въ послѣднемъ отношеніи всякое толкованіе, всякое опредѣленіе должно опираться на вѣрно замѣченныхъ фактахъ. Пристлей открылъ значительное количество важныхъ тѣль, большую частію опредѣлилъ ихъ свойства и безъ сомнѣнія доставилъ наукѣ болѣе фактъ, нежели Лавуазье; однако, не имѣя намѣренія уменьшить славу ученаго англичанина, мы можемъ сказать безъ всякаго опасенія, что потомство поставило Лавуазье выше его; потому что ему принадлежитъ вѣрный способъ толкованія фактъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая химическія сочиненія Лавуазье, мы видимъ крайнее благоразуміе, чрезвычайную осторожность и вмѣстѣ величайшую смѣлость мысли. Онъ начинаетъ положеніемъ, что, при нагреваніи олова въ закрытомъ сосудѣ, часть воздуха соединяется съ оловомъ, которое посему переходитъ въ состояніе, называемое нами нынѣ окисью. Когда некоторое количество олова окислено, прочее остается неприкосновеннымъ, хотя бы сосудъ и заключалъ еще значительное количество воздуха: но этотъ воздухъ не можетъ уже соединяться съ металломъ. Вирочемъ количество образующейся окиси пропорціонально объему сосудовъ. Такимъ образомъ, часть воздуха исчезла, между тѣмъ какъ металъ увеличился въ вѣсъ и это увеличеніе объясняется присоединеніемъ воз-

духа. Обжиганіе, или, какъ мы нынѣ говоримъ, окисленіе металловъ, на-примѣръ окисленіе ртути, требующее присутствія воздуха и происходящее отъ поглощенія занятаго у воздуха газа, должно при восстановленіи ртутной извести (окиси ртути), произведенномъ безъ всякаго посредства и отъ одного дѣйствія теплоты, доставить намъ газъ, заимствованый у воздуха. Въ самомъ дѣлѣ, Лавуазье, производя это восстановленіе, при помощи зажигательного стекла, получилъ газъ кислородъ. Подобно Пристлею, онъ замѣтилъ, что этотъ газъ поддерживаетъ горѣніе и дыханіе. Спустя нѣсколько времени, онъ открылъ, что онъ-же производить и кислоты. Тогда предложилъ онъ назвать его *кислородомъ* — производителемъ кислотъ, указывая тѣмъ на роль, ему приписываемую и основанную на его опытахъ, относящихся къ горѣнію сѣры и фосфора. Но, припявшіи это название и видя, что другіе химики не слѣдуютъ его примѣру, онъ употребилъ, подобно имъ, выраженіе: *жизненный воздухъ* (*air vital*) — выраженіе, образовавшее необходимый переходъ отъ *разглагистившагося воздуха* древней теоріи къ *кислороду* — предтечѣ Химії новой.

Прямыми опытами Лавуазье опредѣляетъ свойство азотистыхъ соединеній. Онъ находитъ, что, при прикосновеніи ртути къ азотной кислотѣ, освобождается азотистый газъ и образуется соль, которая, будучи сильно нагрѣта, превращается въ металлическую ртуть и въ кислородъ. Такъ какъ ртуть получается въ такомъ-же видѣ, какъ и прежде, то онъ говоритъ, что азотная кислота дѣйствуетъ на ртуть, теряя свой кислородъ и превращаясь въ азотистый газъ. Потомъ онъ убѣдился, что азотистый газъ въ свою очередь превращается въ красный паръ, соединясь съ кислородомъ, и что этотъ красный паръ, соединенный съ новымъ количествомъ кислорода,

представляетъ обыкновенную азотную кислоту. Кислотворная роль кислорода такимъ образомъ была вполнѣ опредѣлена независимо отъ точного познанія основанія, потому что Лавуазье не зналъ еще о существованіи азота въ азотной кислотѣ.

Около того-же времени, почти въ 1777 г. онъ произвелъ свой анализъ воздуха, равно замѣчательный по проницательности взгляда и по деликатности опытовъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ надъ дыханіемъ животныхъ, не только онъ узналъ объ образованіи кислоты, но увѣрился даже, что количество поглощенаго кислорода было значительне, нежели какое необходимо для образованія полученной углекислоты. Такъ какъ тогда неизвѣстенъ еще былъ составъ воды, то онъ не могъ вполнѣ объяснить это явленіе. Едва совершивъ этотъ опытъ, онъ такимъ-же точнымъ анализомъ открылъ, что происходит при горѣніи тѣль жирныхъ, воска, дерева. Онъ находитъ при этомъ образованіе углекислоты и исчезаніе иѣкотораго количества кислорода, точно такъ, какъ это было замѣчено при дыханіи. Спустя уже иѣсколько времени, онъ открылъ составъ воды, разлагая ее нагрѣтымъ до-красна желѣзомъ. Тогда онъ могъ основательнѣе разматривать всѣ эти сложныя явленія; могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходит при дыханіи, при горѣніи дерева и наконецъ вездѣ, гдѣ есть образованіе воды.

Опредѣливши образованіе сѣрнистой кислоты, открытой, но неудачно объясненій Пристлеемъ, онъ изяснилъ вліяніе колчедановъ (естественнаго сѣрнистаго желѣза) на влажный воздухъ. Онъ объяснилъ также, что происходит при горѣніи Гомбергова пирофора — явленіи, о которомъ онъ составилъ точную теорію; наконецъ удивительно точными опытами доказалъ составъ углекислоты, до-нынѣ ни въ чёмъ неизмѣненный. Онъ доказалъ также, что ал-

мазъ есть чистый углеродъ. Впослѣдствіи, занимаясь растворомъ металловъ въ кислотахъ, онъ не преминулъ разсмотрѣть, что бываетъ, когда одинъ металъ изъ этихъ растворовъ осаждаетъ другой и нашелъ средство узнать количество кислорода, соединяющагося съ этимъ металломъ. Правда, результаты, выводимые въ этомъ случаѣ, не точны, но наука не возвысилась еще до того, чтобы заняться решеніемъ подобной задачи. Наконецъ, онъ издалъ таблицу сродства кислорода, основанную на его собственныхъ опытахъ. — Послѣ столькихъ опытовъ, подтвердившихъ его идею, Лавуазье убѣдился, что во всѣхъ химическихъ взаимодѣйствіяхъ, количество употребленаго вещества, всегда можно найти въ произведеніяхъ, конечно, подъ другою формою, но того-же вѣса. Онъ понялъ тогда, что возможно составить уравненіе, въ которомъ, поставивъ съ одной стороны всѣ вещества употребленныя, а съ другой—всѣ произведенныя, всегда получимъ равенство въ вѣсѣ и непосредственно изъ этого онъ извлекаетъ все то, что только можно извлечь. »Ибо, говоритъ онъ, я могу разматривать вещества употребленныя и результатъ полученный, какъ алгебраическое уравненіе, и, предполагая послѣдовательно каждого изъ членовъ этого уравненія неизвѣстнымъ, я могу получить изъ него одну величину и оправдать такимъ образомъ опытъ вычисленіемъ и вычисленіе опытомъ. Я часто пользовался этимъ способомъ для исправленія первыхъ результатовъ моихъ опытовъ и для руководства въ предосторожностяхъ, принимаемыхъ при возобновленіи ихъ.« — Такова первая попытка этихъ формулъ или атомическихъ уравненій, которыхъ мы столь часто употребляемъ нынѣ; только, въ слѣдствіе успѣховъ науки, мы ввели атомы тамъ, гдѣ Лавуазье говорилъ о какомънибудь вѣсѣ. Но это однакожъ все та-же идея, та-же точка зренія.

Только послѣ десятилѣтнихъ опытовъ, предпринятыхъ геніемъ глубокимъ и выполненныхъ съ величайшою тщательностю, Лавуазье занялся внимательнымъ и точнымъ оспариваніемъ теоріи Штала. Онъ непровергъ ее на-всегда.

Изъ того, что некоторые тѣла воспламеняются и горятъ, Шталь заключилъ, что есть въ нихъ начало воспламенительное, которое и назвалъ флогистономъ. Когда сгараль металль, который для Штала былъ тѣломъ сложнымъ, флогистонъ отдѣлялся отъ него, сообщая ему огонь, и тогда оставалась металлическая извѣстъ, которую мы называемъ нынѣ общимъ именемъ окисью, и которая въ глазахъ Штала была тѣломъ простымъ. Химики, ученики или послѣдователи Штала, мало-по-малу сдѣлали флогистонъ такимъ началомъ, которое никогда не было въ точности опредѣлено, по которое, такъ сказать, насильно было прилагаемо ко всякимъ изъясненіямъ: иногда это начало было огонь свободный, а иногда огонь соединенный съ землянистою стихіею; иногда оно проникало сквозь поры сосудовъ, а иногда эти поры были непроницаемы для него; имъ объяснялись въ одно время Ѣдкость и пеѣдкость, прозрачность и тусклость, цвѣта и отсутствіе цвѣтовъ.

Лавуазье доказалъ, что флогистонъ не существуетъ и что огненій воздухъ, воздухъ разфлогистившійся, есть тѣло простое, которое назвалъ кислородомъ. Этотъ-то кислородъ соединяется съ металлами обжигаемыми; онъ-то преобразуетъ сѣру, фосфоръ, уголь въ кислоты; онъ составляетъ дѣятельную часть воздуха, питаетъ пламя, которое насытъ освѣщаетъ; измѣняетъ кровь въпознющую кровь артеріальнуу, развивая въ то-же время животную теплоту; онъ также составляетъ существенную часть коры земного шара, воды, растеній, животныхъ. Словомъ, присутствуя во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ и

находясь въ безпрерывномъ движениі, кислородъ облекается въ тысячу формъ. Съ особеннымъ постоянствомъ предавшись изученію воздуха, воды, углекислоты и угля, Лавуазье избралъ эти четыре тѣла, съ удивительною проницательностію отличенія между множествомъ другихъ тѣлъ, потому что посредствомъ ихъ совершаются всѣ явленія жизни животной и растительной.

Но, чтобы не употребить во зло Вашего терпѣнія, я умолчу о томъ, что сдѣлалъ Лавуазье, какъ физикъ. Оканчивая эту рѣчь, уже, быть можетъ, весьма продолжительную, скажу только Вамъ, Мм. Гр., что вместо древней Химіи, основанной на предположеніяхъ и теряющейся въ противорѣчащихъ объясненіяхъ, въ неопределѣленныхъ и сбивчивыхъ понятіяхъ, Лавуазье положилъ основу Химіи истинной и здравой, которая, при помощи своихъ точныхъ и логическихъ теорій, проникла во всѣ химическія явленія, изъясняла не только то, что прежде было узнано посредствомъ наблюденія, но даже и все то, что было доставлено послѣдующими опытами.

Професоръ Химіи, **Х. ГАССГАЕНЪ.**

3-го Июня 1841.

о

РАЗВИТИИ РУССКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ.

Если—бы ученые занятія не заключали сами въ себѣ неисчерпаемаго источника духовныхъ радостей; то и въ такомъ случаѣ званіе профессора не было бы безплодною почвою для высокихъ человѣческихъ наслажденій! Очередь возводить каждого изъ насъ на эту каѳедру въ тотъ торжественный день, въ который мы празднуемъ окончаніе годовыхъ занятій и представляемъ отечеству, какъ результатъ нашихъ трудовъ, новыхъ гражданъ. Желаніе быть ораторами, проповѣдниками истины, защитниками мысли задушевной,— это желаніе развивается изъ семени, глубоко зарытаго въ нашемъ разумѣ! Не самолюбіе заставляетъ насъ желать вести бесѣду съ обществомъ образованнымъ; не самолюбіе составляетъ причину того, что бываетъ радостно, когда живая рѣчь переливается въ слушателей, когда, можетъ быть иѣкоторые изъ нихъ, привыкнутъ къ себѣ тѣ мысли, тѣ чувствованія, тѣ желанія, которыя воодушевляютъ публично говорящаго! Даръ слова есть залогъ разумности; желаніе быть ораторомъ есть стремленіе исполнить обязанность каждого человѣка дѣлиться своими мыслями съ другими людьми, съ цѣльмъ

иа наукова бблпотека ону им. і. мечникова

человѣчествомъ; радость видѣть свои мысли усвоенными другими есть радость творца при взглядѣ на свое твореніе!

Исполняя свою пріятную обязанность, пользуясь своимъ доро-
гимъ правомъ, въ настояще торжественное собраніе, я обращаю
свое слово къ Вамъ, Мм. Гг. О чемъ я поведу бесѣду? Юристъ по
званію, я долженъ избрать предметъ своей рѣчи изъ области юри-
дическихъ знаній. И философія права, и исторія законодательствъ
всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ представляютъ мнѣ матеріалы. Пу-
щусь-ли я въ область философіи, этого необходимаго свѣтильника
жизни, этого необходимаго средства для нашего домашняго и обще-
ственного счастія? Или поведу рѣчъ о жизни, какъ она была, какъ
она есть? Законодательство какого народа привлечетъ мое вниманіе?
Буду-ли я говорить о Китайцахъ, которые своею неподвижностію
даютъ намъ возможность видѣть уродливыя слѣдствія привязанности
къ вышнимъ формамъ? Или обращу вниманіе Ваше, Мм. Гг., на
юридическую жизнь Грековъ древняго міра, которые на самомъ дѣ-
лѣ были не такъ хороши, какъ обыкновенно ихъ рисуютъ? Или
представлю высокую юридическую — практическую мудрость Рима?
Поведу-ли Васъ, Мм. Гг., въ земли нѣмецкія и покажу-ли съ какою
дикою отвагою сыны Запада стремились къ приобрѣтенію личной
самостоятельности? Изображу-ли юридическое состояніе нового свѣт-
та въ лицѣ представителя его — Сѣверо-Американскихъ Штатовъ,
гдѣ стремленіе къ личной самостоятельности начинаетъ уже обра-
щаются въ стремленіе воцарить право сильного? Нѣтъ! ни область
философіи, ни міръ древній, ни міръ западно-нѣмецкій не будутъ
предметомъ моей бесѣды. Для меня, какъ Славянина, есть міръ
родной, міръ славянскій; для меня, какъ Русскаго, есть міръ завѣт-
ный, міръ русскій! Кто уважаетъ себя, тотъ любить свое отечество;

кто любить отечество, для того русскіе торжественные дни дороги,
какъ дни отблеска славы и благоденствія Руси. Торжественъ и ве-
личественъ тотъ день, въ которой отечество принимаетъ новыхъ
гражданъ, съ трепетомъ наслажденія ожидающихъ наступленія того
благословеннааго времени, когда они будутъ въ состояніи принести
плоды своихъ трудовъ, благоговѣнія, любви и благодарности на
олтарь великаго отечества! Проникнутый величіемъ дня таинствен-
наго перерожденія учащихся въ гражданъ благословеннааго царства
русскаго, предметомъ своего Слова я избираю святую Русь: не на-
хожу я предмета выше и болѣе соотвѣтствующаго настоящему тор-
жеству; не нахожу я предмета, который быль-бы болѣе дорогъ для
сердца русскаго; не нахожу я другаго предмета, которой-бы могъ
болѣе привлечь вниманіе Ваше, Мм. Гг.! Притомъ здѣсь — въ пре-
дѣлахъ новой Россіи, населеній многими пріемышами Руси, мы
русскіе должны часто бѣсѣдовать о своемъ отечествѣ, должны ста-
раться, чтобы политическіе наши братья изучали въ нась любовь
къ отечеству, увлекались нашою высокою привязанностію къ міру
русскому, прививали въ себѣ понятія о высокихъ цѣляхъ русскаго
царства и великихъ помыслахъ и благодѣяніяхъ Царя Православна-
го. Большею частію не принося съ собою любви къ новому, впро-
чемъ ими самими избранныму отечеству, да заимствуютъ они отъ
нась духа русскаго, да напитываются они нашою любовію ко всему
русскому!

Впрочемъ очень близко къ намъ то время, когда и русскіе
менѣе всегда знали Русь православную; когда полагали, что намъ
нѣтъ спасенія безъ руководительства чужеземнаго; когда были увѣ-
рены, что умъ русскій не способенъ къ рожденію великихъ мыслей!
Было время невзгоды для духовной жизни родной намъ страны;

было такое горькое для насъ время, когда мы вѣрили иностранцамъ на-слово , когда мы удивлялись величію мысли нѣмецкой , пророчествующей низкую долю міру славянскому , міру намъ родному! И въ настоящее время можно услыхать мнѣнія подобныя ; но — кто-же эти строгіе цѣнители и судіи? Каковы ихъ собственныя достоинства? Знаютъ-ли Западъ , о жизни которого безпрестанно вздыхаютъ ? Знаютъ-ли они свое отечество? Нѣтъ ! они очень мало знаютъ: весь запасъ ихъ умственный ограничивается двумя — тремя изношенными мыслями , заученными изъ желанія возвыситься, унижая своихъ сопротивляющихся. Благодаря Бога , явленіе этихъ недоносковъ нашей матушки Руси православной рѣдко , — да и при настоящемъ характерѣ нашего просвѣщенія они должны воздерживаться отъ своихъ нелѣпыхъ возгласовъ — мнѣніе просвѣщенныхъ сыновъ отечества наказываетъ ихъ презрѣніемъ!

При всеобщемъ пробужденіи чувства народности въ наше время Русь стремится создать жизнь новую , отличную отъ дряхлѣющей жизни Запада , проникнутую духомъ славянскимъ , смысломъ русскимъ . Съ радостною надеждою мы устремляемъ свои взоры въ наше будущее — оно прекрасно! Смысль исторического развитія человѣчества увѣряетъ насъ , что наша будущность составитъ картину великую , укрупненную всѣми цвѣтами жизни , освѣщенную всюю масою живительного свѣта духа человѣческаго ! И не одной Руси готовится завидная будущность — все племя славянское будетъ жить жизнью роскошною!

Чему быть , того не миновать! Не смотря всѣ несчастныя обстоятельства , которыя повидимому должны были уничтожить самостоятельность племени славянского ; не смотря на то , что народы племени германскаго , Турки и Монголы гибельно дѣйствовали на

родное наше племя , что Германцы , Турки и отчасти подвластные Туркамъ Христіане и теперь еще продолжаютъ господствовать надъ нашими братіями ; не смотря на всѣ бѣдствія — славянское племя зайдетъ блестящее мѣсто въ исторіи всемирной . Провидѣнію угодно было назначить намъ дѣйствовать послѣ племени германскаго . Если съ этой точки мы будемъ разматривать факты историческіе , то бѣдствія нашихъ предковъ представляются намъ , какъ жертва искупительная , какъ основаніе , на которомъ должна развиться наша самостоятельность и политическая и умственная . Надобно было пріостановить развитіе славянского племени для того , чтобы его силы возмужали и закалились въ горнилѣ страданій ; чтобы заключенные въ себѣ самихъ , онъ сохранили свою полноту , свѣжесть и могущество ; чтобы , напитавшись духомъ неславянскімъ , онъ начали дѣйствовать съ той ступени , до которой достигли племена предшествующія . Подчиненные различнымъ вліяніямъ , окруженные различными обстоятельствами , народы славянскіе разъединились — каждый изъ нихъ пошелъ своею дорогою . Пути , по которымъ разошлись братія по происхожденію , были неодинаковы ; впрочемъ они были сходны въ томъ , что большою частію были усѣяны терніями . Въ разныя стороны разошлись народы славянскіе , удалились одни отъ другихъ , позабывали свое родство , встрѣчались часто какъ злыя враги . . . Но — близокъ часъ ! близко то время , когда , возсозданные могуществомъ Руси православной , народы славянскіе соединять свои руки въ знакъ дружбы и союза и взявши рука — обѣ руку представляются удивленному міру въ цвѣтущей красотѣ съ теплымъ сердцемъ , съ благородною мыслію , съ волею жѣлѣзною ! Близко время радостной встречи и соединенія насильственно разлученныхъ братій ! Не надобно быть пророкомъ для того , чтобы говорить это . Посмотрите

на факты, Мм. Гг., и Вы скажете то же самое. Западные наши недоброжелатели прежде нась замѣтили появление зари нашего счастливаго дnia и посмотрите, какъ они стараются отдалить его. Печально они возбуждаютъ другъ-друга противъ Руси, которой Провидѣніе назначило первое мѣсто въ мірѣ славянскомъ; печально они обнаруживаютъ опасность, грозящую имъ отъ стремленія славянъ пользоваться могуществомъ и любовью народа русскаго. А что говорятъ они нашимъ братіямъ посѣщаюихъ страны? Какими красками рисуютъ нась? Сколько словъ они употребляютъ для того, чтобы поселить нелюбовь къ намъ въ тѣхъ, политическое благодеянье которыхъ зависитъ отъ сближенія съ нами, сердца которыхъ влекутся къ роднымъ сердцамъ славянскимъ? — Какія-же слѣдствія могутъ произойти отъ ихъ враждебныхъ дѣйствій? Они хотятъ спорить съ Провидѣніемъ! Не имъ уничтожить то, что написано въ книгѣ Судебъ; не имъ остановить завѣтное для нась сближеніе Славянъ! Пора ихъ владычества надъ нами проходить — прошедшее не возвратимо! Желая сдѣлать намъ зло, они дѣйствуютъ для нась благодѣтельно: отрицаніе заключается въ природѣ человѣка — чѣмъ болѣе они стараются разроднить Славянъ, тѣмъ Славяне болѣе и болѣе начинаютъ сближаться, начинаютъ вспоминать свое родство испоконъ вѣковъ!

Недавно еще народы славянскіе были незнакомы между собою; очень недавно, даже и теперь знакомство между ~~ними~~ невсеобще. Счастливые не стараются узнавать о несчастныхъ — это общій законъ: мы русскіе не могли преступить его. Въ то время, когда наши южные братья — угнетаемые, богатые только любовью къ славянскому, родному — дорожатъ каждою вѣстю изъ Руси, веселятся нашею радостію, сдѣлять за ходомъ развитія нашей жизни, — въ

то время мы обѣ нихъ едва знаемъ! Слѣдуя по исповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія и русскіе должны обратить свои взоры туда, где живутъ ихъ братья; мы должны обнять своихъ родныхъ, потому, что въ этихъ объятіяхъ заключается наше общее счастіе.

Дружба между народами заключается не такъ, какъ между частными лицами. Частныя лица дружатся посредствомъ понятій времени настоящаго, а для дружбы народовъ необходимо познаніе прошедшаго: задушевныя связи укрѣпляются сказаніями лѣтописей, единствомъ происхожденія, сходствомъ развитія жизни прошедшей. Наша дружба съ народами славянскими только тогда установится незыблѣмо, когда мы познакомимся съ ихъ прошедшимъ, когда мы въ ихъ старинѣ увидимъ свою собственную; единство судьбы, сходство древняго развитія привяжутъ насъ къ забытымъ братьямъ крѣпче, нежели что нибудь — историческое единство также важно, какъ и историческая вражда.

И тотъ изъ русскихъ, кто въ состояніи заставить молчать чувство привязанности къ родной славянщинѣ, кто пріучилъ себя только къ холоднымъ расчетамъ ума, кто любить науку не любя жизни, и тотъ необходимо долженъ обратиться къ изученію міра славянскаго, особенно южнаго. До тѣхъ поръ пока исторія жизни южныхъ Славянъ не будетъ изучена нами, мы не будемъ знать исторіи первоначальной жизни русской. Не изучивъ юридической жизни нашихъ братій по крови, мы не будемъ въ состояніи представить юридическую жизнь русскую. На югѣ славянскомъ, а не на сѣверѣ иѣменскому, мы должны искать началъ своего права; познакомясь съ югомъ, мы убѣдимся, что можно мнѣніе о германскомъ или скандинавскомъ происхожденіи закона русскаго. Кому мы обязаны настоящими своими заблужденіями относительно этого предмета? Учен-

нымъ Нѣмцамъ. Незнакомые со славянскою жизнію, увѣренные что безъ помоши нѣмецкой славяне остались-бы круглыми невѣждами, дикими разбойниками, — западные задушевные наши недруги, превосходившіе насъ своею ученостію, ослѣпили насъ ложнымъ блескомъ своихъ выводовъ и мы, вслѣдъ за ними, начали толковать о томъ, что Русь отъ Нѣмцовъ заимствовала свой разумъ юридической. Къ счастію нашему они довели свое мнѣніе до крайности и теперь, когда мы начинаемъ смотрѣть на вещи своими глазами, эта крайность поражаетъ насъ своею несообразностью. Какъ — Русь сама ничего не думала? Русскіе, какъ отрасль племени славянскаго, не развили собственныхъ понятій о правѣ? всѣ народы имѣли свои особенные права и обычаи, свою систему права; а русскіе были не въ силахъ жить своимъ умомъ? Русь запяла свои законы у Нѣмцовъ, а между тѣмъ характеръ юридической ея жизни въ существенныхъ чертахъ отличенъ отъ юридической жизни Запада?

Ошибаться свойственно человѣку; необходимо ошибиться нѣсколько разъ, для того чтобы не ошибиться одинъ разъ. Въ наукѣ ошибки, ложная мнѣнія всегда вызываютъ истину; поэтому и самыя ошибочные сужденія заслуживаютъ вниманія и благодарности. Но необходимо хорошо отличать ошибки неумышленныя отъ умышленныхъ: мы — Русскіе знаемъ, что значать ошибочные сказанія иностранцевъ о Русскихъ, о цѣломъ славянскомъ племени! Объ насъ говорять ошибочно съ цѣлю..... Причина этого заключается въ борбѣ прошедшей, въ зависимости настоящей. И сами народы германскіе признаютъ это. «Причина небреженія къ славянской исторіи, невнимательности при обработываніи ея и ложнаго способа понимать, есть политическая и имѣть свой глубокой корень въ древней борбѣ германизма съ славянизмомъ». Такъ отозвался Нѣмецъ въ одномъ изъ русскихъ жур-

наловъ (Москвитянинъ 1841, № 4). Славяне говорять объ этомъ открытиѣ, ясно: когда Феодоръ Иоанновичъ предлагалъ Полякамъ избрать на престолъ австрійскаго принца, ему отвѣчали, что «Нѣмецкій языкъ славянскому языку никогда добра не желаетъ». — Надобно-ли говорить о томъ, что нѣтъ правила безъ исключенія? Должно-ли указать на то, что въ кругу своей семьи мы встрѣчали и встрѣчаемъ дѣтей Запада всею душою преданныхъ Россіи и доказавшихъ свою преданность дѣлами? Въ отношеніи послѣднихъ замѣтимъ, что усыновленные носятъ имя усыновителя, а потому они по справедливости должны называться людьми русскими. — Пусть, что хотятъ, то и говорятъ о нашей Правдѣ дѣти Запада; мы съ своей стороны съ благоговѣніемъ и чувствомъ народной гордости произнесемъ «нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду! у насъ правда по закону свату, юще принесша отцы наши!» Въ этихъ словахъ, заимствованныхъ изъ знаменитаго «суда Любушкина», выказывается стремленіе славянскаго племени защитить свою самостоятельность отъ натисковъ племени враждебнаго.

Обращаясь къ родной русской жизни, мы легко можемъ усмотреть, что она отличается отъ жизни германской въ самомъ основаніи, въ существенномъ понятіи верховной, законодательной власти, въ источнике, изъ котораго развивается вся система правъ и обязанностей, весь объемъ юридическихъ отношеній. Отличаясь отъ Запада, Русь не представляется намъ въ настоящую эпоху съ характеромъ Востока. По географическому своему положенію, находясь между Востокомъ и Западомъ, русское царство свыше назначено составлять звѣно, связующее понятія Запада съ понятіями Востока; оно должно соединить въ себѣ два одностороннія направленія, выкинувъ изъ нихъ ложное, измѣнивъ ихъ соединеніемъ въ одно цѣлое,

Востокъ представляетъ намъ миллионы людей, неживущихъ жизнью самостоятельною, несознающихъ достоинства своей отдельной жизни. Тамъ отдельный человѣкъ изчезаетъ; тамъ нѣть отвлеченаго понятія человѣка, а есть членъ семейства, членъ касты, есть рабы, а нѣть подданныхъ. На Востокѣ человѣкъ не живетъ для себя; онъ живетъ или для другихъ, или для общества, въ жизни которыхъ видитъ цѣль, принимая себя за средство. Отдельный человѣкъ на Востокѣ является средствомъ теперь; онъ былъ тамъ средствомъ со временемъ глубокой древности. Неподвижность Востока составляетъ такую рѣзкую черту, что она легко замѣчается: тамъ человѣкъ движется въ пространствѣ, развивается физически, а развитіе духовное ему неизвѣстно, — тамъ онъ живетъ и пенаживаетъ себѣ разума.

Въ то время, когда человѣкъ Востока является въ состояніи безмыслія, человѣкъ Запада, устремя взоръ въ глубину своей духовной природы, постигъ, что въ общей жизни человѣчества отдельный человѣкъ занимаетъ почетное мѣсто, что каждый изъ людей имѣеть въ самомъ себѣ особенный міръ, какъ отображеніе міра человѣческаго вообще, что жизнь человѣчества развивается посредствомъ развитія самостоятельной жизни отдельныхъ людей. Увѣрясь въ достоинствѣ своей отдельной жизни, человѣкъ Запада неостановился на счастливой серединѣ: онъ бросился въ крайность, противоположную крайности жизни человѣка Востока. — Послѣдний никогда не живетъ для себя, не живетъ собою, не обращаетъ вниманіе на свою духовную природу при опредѣленіи правилъ жизни, — онъ живетъ какъ средство; первой, напротивъ того, принимаетъ цѣлію исклучительно жизнь отдельного человѣка, стремится освободиться отъ всякой власти и жить по своей волѣ, по своему разуму.

Безправое, неподвижное состояніе человѣка составляетъ харак-

теръ Востока; стремление къ возвращенію неограниченной свободы, т. е. стремленіе освободить себя отъ всякой власти виѣ себѣ, подчинить свою жизнь своему особенному разуму — есть характеръ Запада: въ слѣдствіи этого стремленія на западѣ развилась система частныхъ правъ. На Востокѣ человѣкъ руководствуется законами, имѣющими источникъ виѣ его и не въ пользу его; на Западѣ частные лица сами составляются для себя законы, посредствомъ которыхъ систему частныхъ правъ они поставили выше системы правъ государственныхъ, частное поставили выше общаго.

Руси суждено было соединить эти крайности, представить союзъ счастливую середину. Только недобросовѣстная близорукость не допускаетъ многихъ видѣть русскую жизнь, какъ она есть, въ истинномъ свѣтѣ!

Начало общности — неограниченная власть царей Православныхъ — на Руси соединено съ системою частныхъ правъ. Такимъ образомъ Русь представляетъ явленіе единственное, утѣшительное, — явленіе, которое могло образоваться не иначе, какъ послѣ образованія Востока и Запада. На Руси существуютъ частные лица, наша гражданская свобода обеспечена — этимъ мы обязаны великимъ самодержцамъ. Вотъ рѣшительное отличіе развитія русской юридической жизни отъ юридической жизни міровъ восточного и западно-немецкаго! На Востокѣ напрасно мы будемъ искать частныхъ правъ; на Западѣ народъ, частные лица сами себя образовали, съ бою приобрѣли права, собственною кровью покупали себѣ самостоятельность. На Руси мы всѣмъ обязаны правительству, которое просвѣтило насъ свѣтомъ истиннымъ — вѣрою Христовою, омыло насъ отъ невѣжества, окрестило насъ въ купели правъ гражданскихъ, возвело насъ на степень подданныхъ, утвердило насъ въ достоин-

ствъ гражданъ. Почитаю себя совершенно счастливымъ, что благо-
дътельная звѣзда навела меня первого на мысль, постоянное выра-
женіе которой въ жизни дѣйствительной составляетъ наше счастіе ,
нашу народную гордость, залогъ нашей завидной будущности!

Неограниченная власть самодержцевъ русскихъ составляетъ
основаніе нашей юридической жизни, — этой власти мы обязаны
всѣмъ отраднымъ , соединеннымъ съ нашою жизнью: вотъ два по-
ложения , развивать которыхъ весело сердцу русскому ; потому , что
соединеніе ихъ есть русская дорогая собственность, которую у насъ
оспорить ни кто не можетъ.

I. Русь всегда жила подъ неграниченною властію самодержцевъ
различныхъ наименованій. Пересматривая скрижали нашей Исторіи,
мы узнаемъ, что въ древности въ отношеніи образа правленія про-
странство Руси было раздѣлено на двѣ части. Сѣверная Русь , за-
ключавшая въ себѣ владѣнія Великаго Господина Новагорода и
младшаго его брата Пскова, представляется намъ подъ правленіемъ
княжескимъ ограниченнымъ: здѣсь князь былъ первымъ сановни-
комъ, впрочемъ сановникомъ, лицо которого было священно и не-
прикосновенно; а власть законодательная принадлежала народнымъ
собраніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ «вѣче». — Въ остальной Руси
власть князя была неограничена. Хотя исторія и говоритъ намъ ,
что народъ составлялъ «вѣче» и въ Киевѣ, и въ Ростовѣ, и въ Ко-
стромѣ, и въ Брянскѣ, и въ другихъ городахъ русскихъ , однако
эти собранія не были общимъ правиломъ , а только исключениемъ.
«Вѣчи», извѣстныя на Руси, можно раздѣлить на законныя и неза-
конныя; законныя были въ Новѣгородѣ, Исковѣ, ихъ пригородахъ,
а въ остальной Руси въ случаѣ неимѣнія или отсутствія князя ,
какъ напримѣръ, въ Москвѣ въ XIV вѣкѣ во время нашествія Та-

таръ. Незаконное «вѣче» было сходкою гражданъ въ городахъ Руси
княжеской, какъ напримѣръ, въ 1146 году собралось «вѣче» въ Киевѣ
и граждане требовали отъ князей клятвы , что они будутъ или са-
ми творить судъ и расправу , или изберутъ вмѣсто себя бояръ до-
стойныхъ. « Вѣчи » незаконные нисколько неговорятъ въ пользу мнѣ-
нія объ ограниченіи власти княжеской: они бывали въ слѣдствії
самоволія, возстанія недовольнаго народа , а не въ слѣдствії права,
которомъ-бы народъ , по волѣ княжеской , постоянно пользовался
« по старайнѣ, по пошлинѣ ». — Бывали незаконныя «вѣчи» и на Руси
сѣверной: по общему правилу « егда на вѣчѣ сходяться , что ста-
рѣйши здумаютъ, на томъ и пригороды стануть»; если «вѣче» при-
горожанъ неслушалось «вѣчи» старѣшаго города , то оно было не-
законно.

Нѣкоторые полагаютъ , что власть князя русскаго была огра-
ничена первоначально волею « дружины », въ послѣдствіи времени
волею боярскою. Это мнѣніе основывается на томъ, что лѣтописецъ
нѣсколько разъ упоминаетъ о совѣщаніяхъ князя съ дружиною и
что въ древнемъ нашемъ законодательствѣ существовала форма
« Государь указалъ, а бояре приговорили ». Доказательства , на ко-
торыхъ основывается это мнѣніе не доказываютъ справедливости
его. Если лѣтопись , съ одной стороны , и говоритъ о совѣщаніяхъ
князя съ своею дружиною , то , съ другой стороны , она-же пред-
ставляетъ намъ случаи , въ которыхъ князь поступалъ противъ со-
вѣта дружины. Совѣтъ дружины не былъ обязательемъ для князя ,
который совѣтовался съ людьми любимыми , какъ отецъ съ дѣтьми ,
принимая думу разумную , согласную съ его образомъ мысли , от-
вергая молвь неразумную.

Форма « Государь указалъ, а бояре приговорили » также ни-

сколько не говорить въ пользу мнѣнія обь ограниченности власти княжеской. Эта форма произошла отъ того, что князь-государь рѣшеніе дѣлъ поручалъ «Думъ», въ которой первое мѣсто занимали бояре. Приговоръ боярской самъ по себѣ ничего незначилъ; законная сила его имѣла основаніе въ томъ, что онъ составлялся по указу государеву. Другая, однознаменательная форма, яснѣе выражаетъ смыслъ боярского приговора: выраженіе «по указу Государеву, бояре приговаривали» свидѣтельствуетъ, что боярской приговоръ стоялъ нерядомъ съ указомъ государевымъ, а являлся въ слѣдствіи его, заимствуя отъ него способность имѣть силу законную. Да и какъ образомъ бояре могли имѣть произвольное участіе во власти законодательной въ то время, когда они зависѣли совершенно отъ воли княжеской? Боярское достоинство, достояніе, честь и жизнь бояръ, все зависило отъ одного слова государева, отъ манія руки княжеской. Въ самыхъ словахъ «Государь указалъ, а бояре приговорили» выражается, что бояре полагали приговоры по волѣ княжеской, что они были исполнителями княжеской воли, какъ ближайшіе слуги его. Выраженіе «Государь указалъ, а бояре приговорили» говорить въ пользу самостоятельной власти бояръ столько-же, сколько слова «писаль дѣякъ такой-то» увѣряютъ насъ въ томъ, что явленіе грамоты съ такою подписью зависѣло отъ воли, писавшаго ея дѣяка.

Съ первого взгляда поражаетъ насъ рѣзкое различіе правленія Руси княжеской отъ правленія Руси вѣчевой. Оно возбуждаетъ въ насъ сомнѣніе, выражающееся въ двухъ вопросахъ. Если образъ правленія соотвѣтствуетъ духу и потребностямъ народа, то повидимому сѣверная Русь населена другимъ народомъ, нежели княжеская? Если одинъ и тотъ-же народъ населяетъ все пространство Руси, то

правленіе Новгородское повидимому говорить въ пользу мнѣнія тѣхъ, которые принимаютъ ограниченность власти княжеской въ цѣлой Руси? Но эти вопросы, рожденные сомнѣніемъ, решаются съ помошію историческихъ данныхъ такимъ образомъ, что неограниченность власти княжеской остается неприкосновенною.

Хотя основательность первого вопроса подтверждается тѣмъ, что въ новгородскихъ грамотахъ «Русь» противополагается «владѣніемъ Новгорода», однако эта основательность исчезаетъ, когда мы примемъ въ соображеніе, что на югѣ славянскомъ владѣнія Дубровника или Рагузы противополагались царству сербскому, между тѣмъ, какъ и Дубровникъ былъ населенъ Сербами. Причина такого разлияя заключается въ томъ, что велиокняженія русскія и царство сербское были центрами русской и сербской жизни, составляли главныя, первенствующія владѣнія, а потому и удержали за собою названія родовыя; всѣ прочія владѣнія русскія и сербскія, отдѣленныя отъ первыхъ различіемъ власти, приняли мѣстныя названія, которыя были символомъ ихъ самостоятельности и независимости отъ владѣній главныхъ.

И второй вопросъ не болѣе основателенъ. Одинъ и тотъ-же народъ, раздѣлившиесь на самостоятельные части въ слѣдствіи различныхъ обстоятельствъ времени и пространства, весьма легко можетъ образовать понятія совершенно различныя. Не одна Русь представляется намъ раздѣленною по образу правленія на двѣ части, не имѣвшія между собою никакого сходства. Исторія доставляетъ намъ много примѣровъ подобныхъ. Я представлю одинъ изъ нихъ, обращу вниманіе Ваше, Мм. Гг., на родное племя сербское.—Понятно для насъ сходство многихъ юридическихъ понятій у Русовъ и Сербовъ: они принадлежать къ одному племени славянскому; Русы должны

были заимствованы у Сербовъ иѣкоторыя понятія, потому, что Сербы опередили ихъ своею образованностію, заимствованно ими у Византии. Это сходство имѣть основаніе въ природѣ человѣческой. Но не прирою человѣка, не порывами его духа можно объяснить сходство политическо-географического раздѣленія Русовъ и Сербовъ! Провидѣнію угодно было запечатлѣть одинаковыми знаками развитіе жизни двухъ разныхъ братьевъ! У Русовъ, отъ вліянія заморской торговли, образовался на сѣверѣ Великій Новгородъ, часто насыщавшійся надъ угрозами сильныхъ сосѣдей, прибѣгавшій къ помощи русскихъ и литовскихъ властителей. У Сербовъ, также отъ вліянія торговли заморской, на югѣ разцвѣль знаменитый Дубровникъ, городъ сильный и богатый, который дружилъ то съ властителями сербскими, то съ царями болгарскими. Чѣмъ Новгородъ былъ для Руси, тѣмъ Дубровникъ былъ для Сербовъ. Царство и удѣльныя владѣнія сербскія управлялись властію самодержавныхъ правителей (царей, князей, бана, жупановъ); а на югѣ при морѣ развилось вольное, народное правленіе въ Дубровнике, перекрещенномъ въ послѣдствіи времени въ Рагузу. Въ Дубровнике, какъ и въ Новгородѣ, раздавался звонъ вѣчаго колокола: Дубровчane утверждали договорныя грамоты «съвономъ звонивше на съборе ѿкое по закону дубровѣскому». Сходство государственного устройства Новгорода и Дубровника разительно. И въ Дубровнике былъ князь, власть котораго ограничивалась властію народнаго собранія, посившаго название «вече». Какъ договорныя грамоты новгородскія заключались отъ имени всего Новгорода, такъ и дубровницкія были заключаемы во имя всей городской общины или «сопѣкны», говоря языкомъ этихъ грамотъ. Въ первыхъ упоминается о владыкѣ, посаднике, тысяцкомъ, житыхъ и чорныхъ людяхъ и о всемъ Новгородѣ; въ

послѣднихъ действующими при утвержденіи клятвенныхъ записей являются князь, всѣ властели и вся община городская «отъ мала до велика» (вместо властелей иногда писалось боларе, болре или бояре, иногда-же судцы или суды). Въ то время, какъ вольный Дубровникъ управлялся самъ собою, жилъ на своей волѣ, другая сербскія владѣнія засѣли отъ неограниченной власти самодержцевъ.

Такимъ образомъ совершенное различие образовъ правленія — въ различныхъ частяхъ Руси — не есть фактъ единственный и этотъ фактъ не можетъ навѣтъ никакихъ сомнѣній на счетъ неограниченной власти государей русскихъ. Различие между разными частями Руси по образу правленія было временное; вольное правленіе сѣверное должно было сложить свою голову подъ сѣкою русского самодержавія. Историческая необходимость существованія на Руси неограниченной власти доказывается и тѣмъ, что сѣверное вольное правленіе уступило свое мѣсто самодержавію: назначенная Провидѣніемъ выразить новый порядокъ жизни, Русь не могла не жить подъ властію неограниченную; Русь сѣверная не могла неотказаться отъ своихъ вольностей и неслиться съ Русью московскою.

Образовавши одно царство православное, Русь продолжала жить подъ благодѣтельнымъ руководствомъ самодержцевъ. Самодержавіе срослось съ русскою жизнью и попытки крамольныхъ бояръ ограничить власть царскую немогли увѣнчаться успѣхомъ — противъ нихъ былъ голосъ цѣлаго народа. Не смотря на то, что Василій Ioannовичъ Шуйскій обязался а) не казнить никого смертю безъ суда боярскаго — истиннаго и законнаго, б) не отнимать имѣнія у преступниковъ, а оставлять его женамъ и дѣтямъ ихъ, с) требовать въ извѣстахъ явныхъ уликъ; не смотря ни на это ограничение власти царской, ни на продолжительныя смуты, всегда и вездѣ содѣйству-

юція укорененю необузданаго своеволія въ толпѣ, оставленной безъ руководителя благонамѣренаго; не смотря на эти невзгоды для русской жизни — идея самодержавія никогда не умирала. Едва лишь успѣвъ свергнуть иго Поляковъ, Русь избрала съ неограниченною властію «царемъ и самодержцемъ всія Россіи отъ благовѣрнаго царскаго корня, благоцвѣтущую отрасль Михаила Феодоровича Романова.» — И въ другой разъ, при возшествіи на престолъ Анны Іоанновны, обнаружилось своеволіе вельможъ; но и въ другой-же разъ воля народа противостояла желанію дерзкихъ искателей власти.

Самодержавіе есть исторически необходимая принадлежность русской жизни. Узнавъ, что съ помощью самодержавія Русь вышла изъ тмы варварства, сбросила съ себя цѣпи восточныхъ понятій и явилась удивленному миру въ красотѣ и силѣ; познакомившись съ тѣмъ, что сдѣлало для насть правительство, мы постигнемъ, что самодержавіе дано намъ, какъ необходимое средство взойти на высшую степень благоденствія, могущества и славы, какъ залогъ нашего счастія.

II. Жизнь русская представляется намъ раздѣленною по времени на двѣ половины, которая различаются сущностію понятій, въ нихъ развиавшихся. Жизнь древней Руси носить на себѣ характеръ преобладающаго Востока; въ жизни новой Руси усматриваемъ многія черты жизни преобладающаго Запада.

Картина древней русской жизни не можетъ похвалиться изображеніями пріятными, чертами увлекательными, красками свѣтлыми и радужными. — Основаніе земного разумнаго благополучія заключаетъ въ просвѣщеніи народномъ; не въ древнемъ мірѣ рускомъ мы должны искать просвѣщенія: въ глубокой тмѣ жили наши предки, — довольно указать на то, что грамотность, первое средство

къ просвѣщенію, была такъ мала, что невозможно было имѣть грамотныхъ служителей Вѣры. — Благоденствіе общества измѣряется благоденствіемъ семейственной жизни, которая получивъ истинный смыслъ со-времени благовѣщованія Христова, основывается на любви родственной, утверждается уразумѣніемъ высокихъ истинъ нравственныхъ. Добрый семьянинъ есть добрый гражданинъ; воспитавшись въ добродѣтеляхъ семейственныхъ, человѣкъ является въ общество съ запасомъ добрыхъ свойствъ, которыя ростуть и плодятся на пользу и славу общественную. Древняя семейственная жизнь русская не представляетъ намъ ничего утѣшительнаго: она не могла существовать въ формахъ радостныхъ; потому, что зло заключалось въ самомъ основаніи ея. Любовь составляетъ источникъ семейственного блаженства; а она не входила въ разсчетъ при заключеніи брачныхъ союзовъ. Со временемъ глубокой древности, согласно съ общимъ развитіемъ жизни, мужчины у насть, какъ и вездѣ, считались господами женщинъ; они выдумали затворническую жизнь, терема для женщинъ, какъ кладовья и анбары для вещей. Съ первого взгляда кажется будто-бы вліяніе христіанской вѣры, при первомъ ея введеніи, должно было разрушить варварскій обычай затворничества женщинъ; но это было не такъ, да и не могло быть иначе, потому что Греки — первые наставники наши въ истинахъ Евангельскихъ, не съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на подругъ своей жизни. Въ слѣдствіи затворнической жизни женщинъ, молодой человѣкъ не могъ избирать себѣ жену по душѣ, по своей волѣ; въ то время люди не женились, а ихъ женили. При такомъ порядкѣ вещей, необходимо должны были явиться безчисленные злоупотребленія; они явились и — горечь семейственной жизни часто заставляли искать утѣшенія въ удаленіи отъ міра. Не мѣсто здѣсь представить все доказа-

зательства справедливости нами сказаниаго ; сошлемся только на свидѣтельство одного умнаго подъячаго. Кошихинъ, подъячій, временъ царя Алексея Михайловича , разсказываетъ о томъ , какъ женихъ выбиралъ себѣ невѣсту чрезъ посредство другихъ ; какъ родные невѣсты , въ случаѣ ея некрасивости , вмѣсто нея выводили на показъ другихъ «дѣвицъ добрыхъ». «Благоразумный читателю ! говорить онъ , не удивляйся сему : истинная есть тому правда , что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣть , яко въ Московскому государствѣ ; а такого у нихъ обычая не повелось , какъ въ иныхъ государствахъ , смотрити и уговариватися времянемъ съ невѣстою самому ». — Гдѣ есть обманъ , тамъ нѣть любви ; а безъ любви сеймѣстvenное счастіе — призракъ недоступный.

Обратимся къ устройству гражданскому. Всѣ люди русскіе были раздѣлены на служащихъ и неслужащихъ ; первые имѣли поводѣ и средства властвовать надъ послѣдними и угнѣтать ихъ. «До Бога wysoko , а до царя далеко» говорили беззащитные наши предки и горевали и мучались подъ игомъ корыстолюбивыхъ , большою частію , безотвѣтныхъ и невѣрныхъ царскихъ намѣстниковъ и чиновниковъ . «По старинѣ , по пошлини , какъ было отъ вѣка » — судили , и рядали русскую землю «люди честные» , какъ назывались чиновники и служители царскіе ; а отъ вѣка до наступленія блаженнаго времени просвѣщенія произволъ и корысть суть любимыя начала , сообразно съ которыми дѣйствуютъ люди. — Классъ неслужащихъ подраздѣлялся на людей вольныхъ , т. е. подчиненныхъ царю и его представителямъ и невольныхъ холоповъ , принадлежавшихъ частнымъ лицамъ . Холопы были вещами въ отношеніи господѣ своихъ : господинъ миловалъ и казнилъ ихъ по своей волѣ , часто изъ одной

прихоти. Люди вольные имѣли право , если можно такъ выразиться , продавать свою волю и вступать въ ряды жалкихъ рабовъ .

Древняя жизнь русская не представляетъ намъ сущности жизни государства образованного , не представляетъ чамъ того , чѣмъ мы нынче пользуемся и наслаждаемся . Въ древности благодѣянія неограниченной власти князей — царей закрывались безусловною властію частныхъ лицъ надъ существами имъ подобными : мужчины властвовали надъ женщинами , отецъ надъ дѣтьми , господинъ надъ рабомъ , служацій надъ неслужащими и каждый изъ нихъ властвовалъ по своему произволу , по голосу своихъ страстей .

Всемотрите пристальнѣе въ картину жизни древней Руси и Вы , Мм. Гг. , ужаснетесь при видѣ повсюду разлившейся системы утѣшненія , при видѣ ужасныхъ казней , жестокихъ мученій . Жестокостію хвалиться нечего ; но вмѣстѣ съ тѣмъ «быль не укоръ молодцу» и мы несогласимся древнюю жестокость русскую приписать вліянію татарщины . Человѣкъ , стояцій на низшей степени умственнаго развитія , жестокъ : вотъ первый источникъ нашей древней жестокости . Но жестокій и кровожадный человѣкъ необразованный не умѣеть разнообразить казни , не умѣеть умножать мученія ; поэтому не сами русскіе выдумали тѣ ужасныя смерти и изуродованія , которыхъ часто попадаются въ древней исторіи русской жизни . Не надобно вдали отыскивать источника , изъ котораго заимствовала Русь эти недрагоценныя пріобрѣтенія : стоитъ только вспомнить , что Греки , были изстари нашими сосѣдями , а въ старину и образцами , стоитъ вспомнить , что Византія славилась жестокими казнями .

Наконецъ означимъ еще одну черту древняго русскаго разумѣнія . Предки наши хотѣли жить , какъ жили ихъ дѣды и отцы ;

преобразовія для нихъ казались святотатствомъ. Эта послѣдняя означеннія нами черта также носитъ на себѣ печать Востока.

Мудре Провидѣніе, назначивъ Руси новой ролъ дѣятельности, одарила нашу верховную неограниченную власть силою сокрушить восточнй характеръ народа и — Русь, по слѣдамъ Запада, свыклась съ преобразованіями, источникомъ которыхъ постоянно была воля царская. Свычка съ преобразованіями принадлежить уже новому миру русскому, начало жизни котораго относится ко времени явленія Великаго Преобразователя Россіи.

Является Петръ Великій и колесо жизни русской приняло другое направленіе. — Къ сожалѣнію иногда патріотизмъ заводить насъ слишкомъ далеко; это всего яснѣе выражается въ отношеніи Петра. Даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые признаютъ его Великимъ, удивляются могуществу его генія, и тѣ обнаруживаютъ свое негодованіе за то, что онъ хотѣлъ насъ сдѣлать Нѣмцами. Въ самомъ дѣлѣ увлеченіе Петра въ отношеніи Запада было слишкомъ велико, даже чрезмѣрно; но чрезмѣрность его привязанности къ неродному намъ и составляетъ одно изъ благодѣяній, которыми освѣтилъ Русь Великій земли русской! Не будь насильственного принужденія вдругъ принять формы западной жизни, не будь этого и — можетъ быть мы сами, по своей волѣ, мало-по-малу переняли-бы ихъ. Чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе и оттолкновеніе: была попытка сдѣлать насъ нѣмцами и мы отвратились отъ Запада. Соображая сущность нашего развитія, стремленіе Петра Великаго перелить русскую жизнь въ формы нѣмецкія служитъ краеугольнымъ камнемъ нашей настоящей народности.

Обезпечивъ такимъ образомъ существованіе народности русской, Великій положилъ основаніе бытію новой жизни, нового порядка

общественнаго. Дѣятельность преемниковъ Петра имѣть свои корни въ его великихъ помыслахъ.

Вмѣстѣ съ цѣпями, привязывавшими русскихъ къ старинѣ, отжившѣй свой вѣкъ, русскіе должны были оставить родовое свое невѣжество. Заря просвѣщенія, занявшаяся при Петрѣ, предвозвѣщаетъ близкое наступленіе проскошнаго дня нашего торжества умственнаго!

Властвование частныхъ лицъ однихъ надъ другими постепенно уничтожено. Мужъ, лишившись право держать въ-заперти свою жену, долженъ былъ признать ее существомъ, имѣющимъ права иногда противныя его волѣ. Семейная жизнь получила возможность явиться въ разумныхъ формахъ: не родители, не люди посторонніе, а сами женихи и невѣсты получили право избирать себѣ спутницъ и спутниковъ жизни. — Власть господъ ограничивается; законъ становится выше ихъ произвола и защищаетъ крѣпостныхъ людей отъ своеволія и насилия господского. — Власть лицъ служащихъ ограничивается велѣніями закона и установленіемъ мѣстъ и лицъ, подверженныхъ повѣркѣ и наблюденіямъ. Какъ тяжела была власть намѣстниковъ царскихъ можно легко видѣть изъ словъ, добросовѣстнаго и трудолюбиваго дѣлателя по части истории Петра, Голикова. «Поліку-же ввѣряемы были провинціи государства знатнѣйшимъ боярамъ, въ коихъ они съ безпредѣльною почти властію управляя, рѣшили царскимъ именемъ всякія дѣла окончательно, опредѣляя въ оныя отъ себя правителей;... а сіи правители управляя всѣмъ, налагали и собирали подати по своей волѣ, употребляя не рѣдко власть свою во зло;.... а какъ были они (намѣстники) отъ тѣхъ своихъ приверженцевъ задобряемы, то обидимые и неполучали удовлетворенія». Если власть служащихъ была такъ тяжела даже еще

во время Петра Великаго, то что-же было прежде? и какъ велико счастіе Руси, освобожденной отъ утѣшненія уполномоченныхъ лицъ служащихъ?

Въ продолженіе новой исторіи русской образовались граждане — подданные. Личная свобода ограждена и свободному подданному русскаго царя запрещено даже самому посягать на свою свободу. — Древняя помѣстная система уступила свое мѣсто системѣ вотчинной: право собственности, которое прежде болѣею частію было замѣнено правомъ пользованія, получило полное свое развитіе.

Медленно уничтожалась жестокость казней уголовныхъ. Во времена Петра бывали такія жестокія казни, о которыхъ не было слышно и въ древней нашей исторіи. Но не Петръ былъ виноватъ въ этомъ: можно ли было ослабить мученія тѣлесныя, когда первые изъ народа — бояре — выѣзжали грабить на болѣея дороги? Не стыдясь мы русскіе можемъ приводить подобные факты; прошедшее опредѣлялось различными обстоятельствами, а настоящее въ сравненіи съ прошедшими увѣряетъ насъ въ могуществѣ русскихъ силъ, утверждаетъ въ насъ счастливую мысль, что добрый дѣлатель можетъ сдѣлать чудеса изъ народа русскаго! Жестокость казней, сохраненная и даже увеличенная первоначально Великимъ Преобразователемъ Россіи въ послѣдствіе времени постепенно была изгнана и мы можемъ похвалиться тѣмъ, что смертная казнь у насъ была уничтожена прежде всѣхъ другихъ государствъ.

Этотъ краткій очеркъ достаточенъ для того, чтобы въ древней исторіи нашей юридической жизни замѣтить преобладаніе Востока, а въ новой — преобладаніе Запада. Но вмѣстѣ съ этимъ насъ поражаетъ черта, незнакомая ни Востоку, ни Западу: Русь всѣмъ обязана верховной неограниченной власти!

Первоначально на Руси не было извѣстно различіе между государствомъ и собственностью — кназъ былъ собственникомъ всей земли русской. На Востокѣ частная собственность также неизвѣстна; на Западѣ частная собственность существуетъ: явленіе ея тамъ было слѣдствиемъ частію первоначального устройства обществъ германскихъ, частію произвола и силы частныхъ лицъ — на Западѣ частная собственность не была установлена добровольно правительствомъ. На Руси самодержцы по своей волѣ укрѣпили за своими подданными права на собственность. Но целью было установить частную собственность прежде, чѣмъ образовалось понятіе частныхъ лицъ. Такимъ образомъ твореніе государства надобно было начинать съ утвержденія правъ частныхъ лицъ, пользующихся выгодами жизни по закону; такъ и было на Руси. Честь, благородство, доброе имя прежде не составляли качествъ природныхъ, не составляли принадлежностей человѣка, а были раздаваемы, какъ награды; съ нѣкоторыми званіями было соединяено извѣстное происхожденіе: чтобы получить честь боярскую надобно было принадлежать къ извѣстнымъ фамиліямъ; заслуги, хотя и награждались, однако они не составляли необходимаго условия для повышенія, какъ это установлено. Великимъ Пребразователемъ. Великому же Петру Русь обязана тѣмъ, что уничижительное название холопа и полуимена были уничтожены; восточный обычай падать на колѣна былъ запрещенъ подъ страхомъ жестокаго наказанія. Екатерина Великая уничтожила остатокъ восточного характера: горькое наименование «рабъ», которое употреблялось еще въ челобитныхъ, замѣнилось названіемъ «подданный». — Для того, чтобы могли существовать подданные, приносящіе честь и славу своему отцу — царю, необходимо просвѣщеніе истинное. Просвѣщеніе есть необходимое условіе разумности; оно существуетъ на Руси,

но какимъ путемъ оно пришло къ намъ? Не надобно указывать на виновниковъ просвѣщенія русскаго — они извѣстны всѣмъ и каждому; замѣтимъ только, что правительство силою заставляло нашихъ предковъ скидатъ съ себя кору невѣжества. Съ плачомъ взялась Русь за указку, а теперь? жажда познанія примѣтно развивается, мы начинаемъ вкушать сладкіе плоды знанія и благословляемъ державную волю, безъ руководительства которой, Богъ знаетъ, что было бы на Руси!

Разъединеніе двухъ половъ вездѣ и всегда составляло и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ грубости и невѣжества. Да какъ образомъ можно обуздатъ мужскія страсти, какъ не вліяніемъ нѣжныхъ чувствованій женщины? Преобладаніе ума въ мужчинѣ ослабляетъ требованія сердца; тамъ, где дѣйствуетъ одинъ холодный расчетъ ума, тамъ необходимо является эгоизмъ, просвѣщеніе лишается своей цѣны, жестокость доставляетъ лучшія средства для удовлетворенія желаній эгоистическихъ. Отнимите у образованнаго мужчины женское общество и — онъ огрубѣеть, ожесточится; какъ же можетъ развиться образованіе безъ присутствія хранителя Вѣры и добродѣтелей, развивающихъся изъ сердца и сердцемъ укрѣпляющихся? Напрасны всѣ усилия образовать народъ, если женщины не принимаютъ участія въ бесѣдѣ мужчинъ! Разъединеніе половъ существовало на Руси: рожденное изъ младенческаго образа понятія Русскихъ, можетъ быть утвержденное вліяніемъ греческому, оно сильно сдружилось съ русскою жизнью. Мужья въ старину смотрѣли на женъ, какъ на вещи имъ принадлежавшія, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить обычая подчищать гостей своихъ поцѣлуями женинными! Такъ было до Петра Великаго. Явился Онъ; неразумность разлученія женского и мужскаго обществъ имъ была постигнута. Онъ

повелѣлъ имъ слиться, повелѣлъ чтобы впередъ женскому полу имѣть въ честномъ обращеніи съ людьми совершенную свободу и чтобы какъ замужняя жены, такъ и девицы ходили незакрываясь на свадьбы, на пиршства и на всякія публичныя увеселенія; необходиша была вся сила самодержца для того, чтобы благодѣтельная воля была исполнена!

Свѣтъ не русскій удивляется перерожденію Русскихъ! Мы должны благоговѣть передъ творческою волею своихъ самодержцевъ, которые доставили намъ средства быть тѣмъ, чѣмъ мы есть, дадутъ намъ средства стать выше даже — самихъ Нѣмцовъ, идеаловъ Руси во времена прошедшія!

Русь развивалась и развивается другимъ путемъ, нежели Западъ; характеръ развитія русской юридической жизни противоположенъ характеру развитія западнаго. Тамъ дѣйствовалъ народъ, а у насъ дѣйствуетъ верховная неограниченная власть. Такимъ образомъ основной законъ русскій есть русская собственность, имѣть русское происхожденіе; его нельзя производить отъ жизни нѣмецкой, потому, что онъ противорѣчитъ ей.

Если сущность русской юридической жизни не можетъ быть объяснена жизнью западною, то можетъ быть хотя подробности юридическихъ правилъ русскаго закона, согласно съ общимъ мнѣніемъ, заимствованы нами отъ Запада?

При решеніи этого вопроса надо обратить вниманіе, во первыхъ, на то, что сходство юридическихъ правилъ двухъ народовъ нисколько еще неозначаетъ, чтобы одинъ народъ заимствовалъ у другаго. Если-бы мы вполнѣ следовали теоріи заимствованій, то и въ нѣмецкомъ правѣ ничего не осталось-бы собственнаго. Профессоръ Московскаго Университета Морошкинъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ

нашихъ юристовъ, сходство русского закона съ закономъ нѣмецкимъ объясняетъ тѣмъ, что славянское и нѣмецкое племена имѣли частыя столкновенія и въ слѣдствіе частыхъ встрѣчъ мѣнялись своими понятіями. Но такое объясненіе не можетъ быть принято, потому, что едва-ли прежде браней съ Нордманами или Варягами наши Русы имѣли дѣло съ Западомъ. Не отвергая совершенно того, что Нѣмцы перелали намъ нѣкоторыя понятія юридическія, мы убѣждены, что большая часть тѣхъ понятій, на которыхъ находять печать нѣмецкую, принадлежитъ Нѣмцамъ столько-же, сколько Индѣйцамъ, Китайцамъ и другимъ народамъ. Теперь невремя и немѣсто намъ представить полное разсужденіе о такъ-называемыхъ заимствованныхъ юридическихъ понятіяхъ; обращаю вниманіе Ваше, Мм. Гг., только на нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ древнѣйшемъ памятнику русского права — въ «Русской Правдѣ» — видать доказательства нѣмецкаго происхожденія русского закона. Въ самомъ дѣлѣ для тѣхъ, которые слишкомъ немного знали славянщину, сходство нѣкоторыхъ понятій и выраженій Правды съ понятіями и выраженіями нѣмецкими, всего легче объяснялось тѣмъ, что русскій законъ есть законъ нѣмецкій. Правы-ли они? Присматриваясь къ юридической жизни и языку Славянъ и встрѣчая въ нихъ много сходнаго съ правилами и выраженіями русского закона, мы лишаемся права говорить о нѣмчизмѣ родимой Правды. — Въ Правдѣ говорится о XII мужахъ; число XII играетъ важную роль въ законодательствахъ германскихъ, особенно въ скандинавскихъ, — чего-же болѣе надобно? существованіе на Руси суда XII мужей ясно говоритъ, что русскій законъ нѣмецкаго происхожденія! Дѣло принимаетъ другой оборотъ, когда мы узнаемъ, что число XII въ системѣ суда и расправы у славянскихъ народовъ также важно, какъ и на

нѣмецкомъ сѣверѣ. Знаменитый Мацьевскій, изображая картину гражданскаго управлія у Славянъ, показываетъ, что число XII (мужей, старцевъ, судей) было очень знакомо миру славянскому. XII старцевъ судили у Хорватовъ и Лаховъ; XII кметей засѣдали въ судахъ у Чеховъ. Въ изданныхъ недавно памятникахъ политической и отчасти юридической жизни Дубровника также часто встречается число XII. Почему-же мы должны были заимствовать у Нѣмцовъ установление судей въ числь XII? Почему мы не можемъ говорить, что оно есть славянское?

Упомяну еще о «вирѣ». Въ сказаніяхъ лѣтописца о древнѣйшемъ periodѣ русской жизни и въ Правдѣ употребляется слово «вира» въ смыслѣ денежной платы за убийство, которую былъ обязанъ внести убийца для освобожденія себя отъ кровавой мести. Въ ученомъ мірѣ уже решено, что вира есть испорченное нѣмецкое слово W hrgeld; впрочемъ это решеніе не осталось безъ апелляціи: пробовали найти корень этого слова въ другихъ языкахъ, но не въ языкахъ славянскихъ. Давно-бы пора оставить утомительный и рѣдко полезный трудъ словопроизводствомъ доказывать заимствованія понятій! Ни сколько не удивительно, что въ различныхъ языкахъ встрѣчаются слова съ подобными звуками; но это подобіе, зависящее отъ различныхъ обстоятельствъ, не говоритъ въ пользу заимствованій: очень еходны слова legen и лежать, — неужели начать споръ о томъ, что мы у Нѣмцовъ или Нѣмцы у насъ взяли это слово? Положимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимологическія объясненія необходимы; въ такомъ случаѣ обратиться ближе всего къ тому языку, къ которому принадлежитъ или принадлежало данное слово и къ языкамъ однороднымъ. — Вѣроятно каждый русскій слышалъ или читалъ слово «вира»; вѣроятно каждый изъ насъ знаетъ, что вира, по свойству нѣ-

которыхъ славянскихъ народъ, есть то-же самое, что наша вѣра. Вѣра занимаетъ высокое мѣсто при судѣ и расправѣ, особенно въ первыя времена жизни общества, когда человѣкъ считаетъ себя въ непосредственномъ сношении съ божествомъ. Что вира, какъ вѣра, имѣеть близкое отношеніе къ вирѣ нашей Правды, для доказательства достаточно указать на расправу Черногорцевъ, сохранившихъ до сихъ поръ месть кровавую. Г. Броневскій о расправѣ Черногорцевъ говоритъ слѣдующимъ образомъ. «У Черногорцевъ если одинъ будетъ убить или раненъ, родня отмщаетъ за него, что они называютъ — кровь за кровь. Если не могутъ убить явно, то подъ видомъ дружбы всякою хитростью стараются достигнуть своей цѣли. Вдова убитаго хранить кровавую рубаху, лабы сына своего, когда онъ возмужаетъ, подвигнуть къ мщенію, и какъ случается, что убийца оставляетъ свое отечество, то мстять на его близкихъ. Сей невинный находить новыхъ мстителей; такимъ образомъ вооружаются цѣлья селенія, и тогда ни губернаторъ, ни самъ владыко не въ силахъ остановить кровопролитіе . . . . Но сіи кровопролитія неслишкомъ часты; они предупреждаются слѣдующимъ способомъ, которой также служить и въ другихъ ссорахъ: обѣ стороны посылаютъ переговорщи-ковъ для установленія суда, что они называютъ — «послать на вѣру» . . . . Виновный осуждается заплатить денежную пень; за одну рану 10 червонныхъ, за двѣ 20, а за убийство — 120; но если преступникъ не въ состояніи внести таковую сумму, то за рану платить только то, чего стоило лечение, а за убийство подносять обиженному подарки, состоящіе въ оружіи и лучшей одеждѣ». Здѣсь выраженіе «послать на вѣру» значитъ — вмѣсто «крови за кровь» — согласиться взять денежную плату; слово-же «вира» весьма естественно замѣняетъ выраженіе — деньги, взятые съ убийцы или съ его семействомъ.

ства родственниками убитаго. — Въ Правдѣ же говорится о «вирникѣ»; какъ объяснить это название? откуда произвести его? Обыкновенное рѣшеніе мнѣ кажется несправедливо. Говорятъ, что вирникомъ назывался чиновникъ, собиравшій виры; но, говоря это, упускаютъ изъ виду одинъ фактъ общій жизни младенчествующихъ народовъ. Если бытъ у насъ назначенъ особый чиновникъ для сбора виры, то отсюда естественно должно заключить, что между чиновными людьми занятія были раздѣлены; а раздѣление занятій есть признакъ продолжительного юридического мысленія и при первобытномъ устройствѣ обществъ существовать не можетъ. Для объясненія слова «вирникъ» далеко ходить не надо; въ предѣлахъ Россіи, на Волыни, и теперь еще существуютъ «вирники» (отъ вѣры или виры), которые суть ничто иное, какъ великорусскіе «цѣловальники». По всей вѣроятности, «вирникъ» Правды есть тотъ-же цѣловальникъ или присяжной и можетъ быть онъ имѣть близкое отношеніе къ XII мужамъ.

Непродолжая далѣе изслѣдованій частностей, въ заключеніе скажу, что всѣ тѣ древнія русскія понятія, которыя объясняютъ жизнью нѣмецкою, могутъ быть объяснены или непосредственно жизнью славянскою или-же общемъ развитіемъ жизни. Къ послѣднему роду понятій относятся, напримѣръ, испытанія водою и жѣлѣзомъ и поединки. Отъ чего мы должны были заимствовать эти понятія у народовъ германского племени, когда они не составляютъ нѣмецкой исключительной собственности? Испытанія водою и жѣлѣзомъ, съ давнихъ порь до нынѣшняго времени, существующія у Индійцевъ, весьма вѣроятно имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ нашимъ испытаніямъ, нежели нѣмецкія. Въ уложеніи Вахтанга, мы находимъ подробныя постановленія о поединкахъ, — никто еще

до-сихъ-поръ не говорилъ, чтобы Грузины заимствовали поединки у народовъ германскихъ.

Всѣдъ за Нѣмцами, требуя отъ Сѣвера объясненія нашихъ юридическихъ понятій и выраженій, мы позабыли Югъ, отъ которого пришла къ намъ Христіанская Вѣра, отъ которой мы получили первое образованіе! Открывъ злоупотребленія въ трудахъ нѣмецкихъ, мы должны наконецъ опомниться и, по указанію сказаний лѣтописей, въ исторіи своихъ братьевъ — Болгаровъ Сербовъ — искать рѣшенія вопросовъ относительно юридической нашей жизни. Къ этому призываетъ насъ истина и благородная гордость народная!

Небольшое количество памятниковъ можетъ служить намъ при объясненіи отношеній юридической жизни русской къ юридической жизни нашихъ южныхъ братій; но и въ этомъ небольшомъ количествѣ мы находимъ материалы драгоцѣнныя. Разверните грамоты сербскія и болгарскія и иногда невольно ошибетесь — примите ихъ за русскія; припомните при этомъ, что не отыскано тѣхъ грамотъ, по которымъ мы учились сочинять свои. — Титулы, извѣстные на югѣ славянскомъ, извѣстны и у насъ, исключая только нѣкоторыхъ (банъ, жупанъ); любезное русскимъ название «царя» перенято нами у Юга, гдѣ его составили изъ латинскаго — «цесарь», или, по греческому произношенію, «кесарь». Производство слова «бояринъ» отъ «большій» утверждается знаніемъ, что первоначальная форма его на югѣ была «болѣринъ, боляринъ» и что «бояринъ» есть форма послѣдующая. Встрѣчаемые въ нашихъ грамотахъ «волостели» не всегда означаютъ начальниковъ волости: наши «волостели» суть сербскіе «властели», то-есть, люди съ властью. Наша помѣстная система какъ-бы повторяется на югѣ. Благодаря трудолюбію — покойного, мало оцѣненнаго на Руси — Венедина, мы имѣемъ собраніе грамотъ, при-

надлежащихъ къ болгарской дипломатикѣ; въ этомъ собраніи мы встрѣчаемъ многія положенія, объясняющія состояніе болгарской помѣстной системъ, — положенія иногда слово въ слово согласныя съ русскими выраженіями обѣ этомъ предметѣ.

До-сихъ-поръ мы еще крѣпко увѣрены, что если мы находились подъ вліяніемъ южнымъ, то это подъ вліяніемъ греческому. Правда, многое въ русской жизни дышетъ грекизмомъ; но надобно объяснить, какимъ путемъ шли къ намъ греческія понятія? Сколько я могу всмотрѣться въ этотъ предметъ, то мнѣ кажется, что непосредственное вліяніе Грековъ было неочень значительно: на насъ действовала Византія черезъ Болгаровъ и Сербовъ, которые были окрещены ею и которые прежде Руси познакомились съ греческою образованностю. Не Грекамъ, а южнымъ Славянамъ обязаны мы своимъ священными книгами; кормчая книга также была переведена на югѣ славянскомъ, что доказывается нѣкоторыми словами на Руси неизвѣстными (жупанъ; свѣне вмѣсто кромѣ). Устройство нашего «двора» имѣетъ много сходнаго съ устройствомъ двора византійскаго; но въ этомъ отношеніи Русскіе имѣли образцомъ не Грековъ, а южныхъ Славянъ. «Дворники» или «дворецкіе», «постельничіе», «стольники», «ключари» или «клюшники» и другіе чины придворные являются при дворахъ болгарскомъ и сербскомъ прежде, нежели у насъ. По всей вѣроятности нашъ дворъ вполнѣ образовался при великомъ князѣ Иоаннѣ III и по всей вѣроятности образцомъ при устройствѣ нашего двора служилъ дворъ, роднаго нашему государя, молдавскаго го-сподаря, образованный въ свою очередь по образцу двора болгарскаго. Впрочемъ нѣкоторыя должности и названія перешли къ намъ гораздо прежде; нѣкоторыя названія сохранились у насъ, въ то время, когда у южныхъ Славянъ были замѣнены другими назва-

ніями, — такъ напримѣръ, вмѣсто «дьяковъ» у южныхъ Славянъ были «логофеты».

Если-бы я не боялся утомить вниманіе Ваше, Мм. Гг., то могъ бы привести еще много доказательствъ въ пользу близкаго сродства юридической жизни русской съ юридическою жизнью южныхъ Славянъ. Но такъ, какъ моя цѣль — указать, а не доказать; то и сказанного мною считаю достаточнымъ для того, чтобы славянскій югъ получилъ въ глазахъ Вашихъ новую прелестъ, чтобы онъ представился драгоценнымъ источникомъ, изъ котораго Русь почерпала свою образованность!

События исторіи всеобщей, необходимое желаніе узнать старо-бытную жизнь нашихъ предковъ, стремленіе очистить скрижали своей исторіи отъ того, что на нихъ не должно находиться, благородное желаніе убѣдиться въ самостоятельности или, по-крайней-мѣрѣ, въ славянизмѣ русского развитія и наконецъ человѣчественная жаждыа постигнуть истину — призываютъ насть къ изученію жизни славянской вообще и въ особенности къ изученію жизни южныхъ Славянъ, съ которыми мы были связаны тѣсною дружбою во времена давнопрошедшія. Доказать, что мы — Славяне испоконъ вѣковъ, что мы жили славянскою жизнью — вотъ благородная цѣль занятій въ настоящее время; русское и славянское — вотъ почва, на обѣдѣлку которой мы должны посвятить свои свѣжія силы!

Изученіе прошедшаго дѣлается необходимымъ тогда, когда настоящее намъ болѣе или менѣе извѣстно; съ большою любовію, съ большимъ стараніемъ, мы изучаемъ прошедшее тѣхъ, съ которыми дружны мы или по-крайней-мѣрѣ знакомы.

Изученіе прошедшаго славянского быстро двинется впередъ въ то время, когда мы узнаемъ славянъ настоящихъ. Въ этомъ отно-

шеніи Одесса представляется намъ съ завидною будущностью! По географическому своему положенію, находясь посреди міра славянскаго, Одесса и теперь заключаетъ въ себѣ Славянъ разнородныхъ, которые стеклись въ нея почти со всѣхъ концовъ міра славянскаго. Православные Болгары и Сербы составляютъ большинство нерусско-славянскаго народонаселенія Одессы; они напоминаютъ намъ о себѣ, о нашемъ прошедшемъ! Въ отношеніи ихъ Россія является благодѣтельницею; защищая ихъ въ дѣлахъ политическихъ отъ угнетенія недруговъ Славянъ, она является вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ просвѣтительницею: въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ молодые Сербы и Болгары получаютъ православное воспитаніе и смыкаются съ Русью, пріучаются любить ея, какъ мать иѣжную и попечительную. Въ Одессѣ началась даже и ученая дѣятельность Славянъ нерусскихъ. Единственный, можно сказать, современный соревнователь болгарского образованія, Г. Априловъ въ Одессѣ трудится во славу своего народа. Въ Одесской типографіи напечатана книжка на языкѣ сербскомъ. Въ Одесскомъ Вѣстникѣ мы читали статьи гг. Серба Тирола и Априлова, которые знакомятъ насть съ природными понятіями Сербовъ и Болгаровъ о любви къ своему роду и племени, о любви къ своей старинѣ. Доброе начало! Мы, съ своей стороны, должны поддерживать стремленіе нашихъ южныхъ братій сближаться съ нами, возбуждать болѣе и болѣе ихъ любовь къ Руси православной! Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны разбудить свои историческія воспоминанія, должны вмѣстѣ съ нашими братьями рыться въ темныхъ и неполныхъ сказаніяхъ о ихъ прошедшемъ: скорѣе и вѣрнѣе пойдемъ впередъ, взявши рука-объ-руку!

Возгорается любовь къ народности у всѣхъ народовъ славянскихъ; пламя ея привѣтно свѣтится и на Руси православной. Въ

Россіи правительство и въ этомъ отношеніи стоитъ впереди. Сколько благодѣяній Славяне получили отъ щедротъ Царя Православнаго Николая Павловича, имя котораго будетъ сіять въ потомствѣ съ титуломъ Великаго? Исчислять-ли то, что сдѣлано Имъ для Россіи? Кто изъ нась не знаетъ, что было много враговъ, которые спаслись отъ конечной погибели только тѣмъ, что принесли повинныя головы, которыхъ мечъ несѣтъ? Кому неизвѣстно, что имеемъ Государя Императора украшаются сводъ и полное собраніе русскихъ законовъ, издание которыхъ быстро изгоняютъ изъ Руси ябеду и крючкотворство, величайшія язвы жизни государственой? Кого не радовало . . . Но, въ кругу Русскихъ, я почитаю излишнимъ исчислять все, что сдѣлано для Россіи въ настоящее благополучное царствованіе! Человѣкъ русскій не можетъ безъ благовѣнія произнести имени возлюбленнаго Монарха, величіе котораго такъ роскошно отражается на жизни Руси, такъ весело играеть на тускломъ еще стеклѣ міра славянскаго!

Счастливъ Монархъ, избранные котораго достойны царской довѣренности; счастливъ Царь русскій!

Современный начальникъ русского народнаго просвѣщенія, при первомъ своемъ явленіи на высокомъ поприщѣ, высказалъ три начала, на которыхъ должно основываться русское воспитаніе; одно изъ этихъ началъ есть Народность, — два другие — Самодержавіе и Православіе, безъ которыхъ первое изчезаетъ. По его-же ходатайству въ русскихъ университетахъ открываются каѳедры славянскихъ нарѣчій, безъ которыхъ изученіе исторіи славянской можетъ быть долго еще начаць-бы на Руси. Нашъ мѣстный начальникъ требуетъ, чтобы мы, при своихъ чтеніяхъ, обращали постоянное и особенное вниманіе на русское: можно-ли подумать о томъ, чтобы мы — люди

русскіе, воодушевленные любовью къ родному, не были ревностными исполнителями воли любимаго начальника!

Наши предки изстари окончивали свои дѣла молитвою къ Всеблагому Создателю. — Царю царствующихъ! не умали щедротъ Твоихъ, укрѣпи Вѣрою взывающихъ къ Тебѣ, воззри милосердымъ окомъ Твоимъ на нась, ожидающихъ отъ Тебя великой и богатой милости! Молимъ Тебя, благостію и силою Твою — да здравствуетъ Царь Православный! да процвѣтаетъ Россія! да крѣпнетъ и ростетъ міръ славянскій!

Исправляющій должность профессора, **М. СОЛОВЬЕВЪ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНИИ И ДѢЙСТВІЯХЪ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛІЦЕЯ,

съ 20 Іюня 1840 по 20 Іюня 1841 года.

Мм. Гг.!

Торжественное собрание, которымъ Ришельевскій Лицей заключаетъ нынѣ еще одинъ протекшій годъ своего существованія , есть четвертое съ того времени, какъ онъ получилъ настоящее свое образованіе. Въ какомъ положеніи находился Лицей въ этомъ году , какія перемѣны произошли въ немъ и какое участіе принималъ онъ въ дѣлѣ общественнаго образованія , изволите усмотрѣть изъ слѣдующаго.

Уставъ 1837 года , по которому Лицей возрожденъ былъ въ томъ видѣ, въ которомъ теперь существуетъ, утвержденъ былъ первоначально въ видѣ опыта на три года. По истечениіи въ настоящемъ учебномъ году сего срока, онъ оставленъ во всей силѣ безъ малѣйшаго измѣненія въ основныхъ статьяхъ своихъ. Только при пересмотрѣ , которому подвергался онъ , изъявлено г. Министромъ

наукова бібліотека ону ім. І.І. Мечникова

народного просвѣщенія согласіе на вызовъ адъюнкта по каѳедрѣ прикладной Математики г. Петровскаго, читать для студентовъ математического отдѣленія курсъ Геодезіи, и исходатайствовано Высочайшее разрѣшеніе на присовокупленіе къ предметамъ чтеній въ юридическомъ отдѣленіи еще судебной Медицины, съ порученіемъ преподаванія оной безмездно доктору Медицины и акушеру Рафаловичу. Оба предмета положено читать съ будущаго учебнаго года. Другое измѣненіе состояло въ томъ, что послѣ-обѣденныя лекціи, какъ вообще неудобныя, и въ здѣшнемъ краѣ въ особенности, съ разрѣшеніемъ г. Министра, по представленію г. Попечителя, присоединены были, по примѣру университетовъ, къ утреннимъ, и всѣ лекціи вообще, вмѣсто полутора часа, какъ это было доселѣ, уменьшены до одного, для облегченія какъ преподавателей, такъ и слушателей, но такимъ образомъ, что уменьшеніе продолжительности лекцій вознаграждено было увеличеніемъ числа ихъ по каждой каѳедрѣ. Кромѣ сего прошлій годъ ознаменованъ былъ для Лицѣя еще одною новою Монаршею милостію: по положенію комитета гг. Министровъ, вслѣдствіе представленія г. Министра народного просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: студентамъ Ришельевскаго Лицѣя, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ учения, дозволить, если пожелаютъ, вступать въ домашніе наставники на томъ-же основаніи, какъ это разрѣшено студентамъ университетовъ § 9 Высочайше утвержденнаго положенія о домашніхъ наставникахъ и учителяхъ. — За симъ, такъ какъ въ теченіе трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, всѣ, означенныя въ уставѣ, каѳедры были, стараниемъ начальства, замѣщены, то преподаватели представили каждый подробные конспекты читаемыхъ ими предметовъ. Такимъ образомъ преподаваніе получило надлежащую полноту, связь и соотвѣт-

ственность потребностямъ времени и состоянію наукъ; вообще—всешло стройно и удовлетворительно, стремясь единодушно къ достижению высокихъ цѣлей, указанныхъ мудростью попечительного Правительства.

Но посреди успѣховъ, вѣнчавшихъ эти благородныя усиленія, Лицѣй понесъ въ этомъ году и чувствительную потерю. Дѣйствительный статский советникъ Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, назначенный 24 Аврѣля прошедшаго года помощникомъ попечителя здѣшняго учебнаго округа, и, по возвращеніи изъ-за границы, вступившій въ исправленіе должности 14 Октября, въ нынѣшнемъ году Марта 23 скончался отъ изнурительной болѣзни; какъ ни кратко было время служенія его въ Одесскомъ округѣ, однако и въ этотъ короткій срокъ онъ успѣль пріобрѣсти себѣ всеобщее уваженіе просвѣщеною любовью своею къ благу отечества, рѣдкими душевными достоинствами и пламеннымъ стремленіемъ къ добру.

Въ составѣ преподавателей Лицѣя произошла одна перемѣна: уволенъ отъ службы, по разстроенному здоровью, исправлявшій должность адъюнкта по каѳедрѣ Россійскаго Законовѣденія, кандидатъ Коробкинъ, и преподаваніе предмета сего поручено временно исправляющему должность профессора Соловьеву и адъюнкту Липовскому. Первый принялъ на себя чтеніе законовъ уголовныхъ и частію государственныхъ, второй—гражданскихъ и остальной части государственныхъ.

Во вниманіе къ службѣ и трудамъ членовъ Лицѣя, они удостоены были слѣдующими наградами: директоръ Лицѣя Н. И. Синицынъ — знакъ отличія безпорочної службы за XX лѣтъ. Исправлявшій должность профессора, магистръ Зеленецкій утвержденъ профессоромъ. Исправлявшій должность адъюнкта, кандидатъ Соловьевъ, по полученіи степени магистра правъ, сдѣланъ исправляю-

щимъ должность профессора. Профессоры Г. и Ф. Бруны, за отлично усердную и ревностную службу удостоены Высочайшаго благоволенія. Профессоръ Беккеръ и помощникъ инспектора студентовъ, Флоренсовъ, получили съ Высочайшаго разрѣшенія денежныя награжденія. Адъюнктамъ Пахману и Линовскому за чтеніе лекцій, вмѣсто гг. Коробкина и Соловьева, по случаю ихъ отсутствія, изъявлена признательность министерства. Утверждены въ чинахъ: надворного советника — профессоры Гассагенъ и Михневичъ; коллежскаго ассессора — адъюнктъ Линовскій. Бухгалтеръ Лицея, Карейша, произведенъ въ губернскіе секретари.

По примѣру предшествовавшихъ годовъ, изданъ быль отъ Лицея и въ нынѣшнемъ, для вспомоществованія бѣднѣйшимъ ученикамъ Одесского округа — «Новороссійскій Календарь на 1841 годъ». При изданіи обращено было вниманіе на возможное усовершенствованіе сей необходимой для здѣшняго края книги. Изъ профессоровъ Лицея участвовали въ ономъ: гг. Мурзакевичъ, Михневичъ, Левтеронуло и Григорьевъ. Сверхъ сего члены Лицея занимались и другими учеными и литературными трудаами: Профессоръ Естественной Исторіи Александръ Нордманъ напечаталъ въ *Bulletin scientifique, publi  par l'Academie de St. Petersbourg*, отдельные статьи по части Естественной Исторіи беспозвоночныхъ животныхъ: «*Ueber einen mit g nstigem Erfolg angestellten Versuch S sswasserpolyphen von Paris nach Odessa zu verpflanzen*» и сообщилъ Академіи извѣстіе объ открытии совершенно новой породы птицы, принадлежащей къ роду *Glareola*. Два тома сочиненій его: *Observations sur la Faune Pontique*, окончены и напечатаны, на иждивеніи г. А. Демидова, въ Парижѣ; пынѣ приготовилъ къ издаванію двѣ части: *Beitr ge zur Entwicklungsgeschichte und Physiologie der Mollusken, Entozoen und Polypen* — съ рисун-

ками. Профессоръ Латинской Словесности Беккеръ написалъ рѣчъ: «*De causis quibusdam, cur in Russia litterae latin  ordinis juris studiosorum necessari  sint*», и представилъ на разсмотрѣніе Императорской Академіи наукъ составленный имъ «Гимназический курсъ Латинскаго языка». Профессоръ Химіи и Технологіи, Гассагенъ занимался барометрическими наблюденіями надъ состояніемъ атмосферы по пяти разъ въ день, и печаталъ ихъ въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. Профессоръ Физики Левтеронуло читалъ публичныя лекціи своей науки. Профессоръ Русской Исторіи и Статистики Мурзакевичъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Одесского Общества Исторіи и Древностей въ званіи секретаря онаго, и издалъ первую часть составленнаго имъ описанія Одесского Городскаго Музея, подъ заглавиемъ: «*Descriptio musei publici Odessani. Pars prima, continens numphylacium Odessanum. Odessae. 1841. 4°*». Профессоръ Русской Словесности Зеленецкій написалъ «Курсъ Логики и Русской Словесности для среднихъ училишъ» въ двухъ частяхъ; напечаталъ конспектъ своихъ чтеній, подъ заглавиемъ: «Система и содержаніе философскаго языкоученія въ приложеніи къ языку Русскому. С.-Петербургъ. 1841. 8°»; представилъ въ Императорскую Россійскую Академію на разсмотрѣніе трудъ свой: «Изслѣдованіе о Церковно-Славянскомъ языке и Литтературѣ», и помѣщалъ статьи въ журналѣ «Москвитянинъ». Исправляющій должностъ профессора Восточныхъ языковъ, Григорьевъ написалъ рѣчъ «Объ отношеніи Россіи къ Востоку»; участвовалъ въ трудахъ Одесского Общества Исторіи и Древностей, и приготовилъ къ печатанію: «Описание Куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году». Исправляющій должностъ профессора по каѳедрѣ Энциклопедіи правовѣ-

денія, Соловьевъ напечаталъ диссертацию свою «О значеніи законовъ. С.-Петербургъ. 1840. 8°». Адъюнктъ прикладной Математики, Петровскій перевелъ Ольберсово сочиненіе: «Die leichteste und bequemste Methode die Bahn eines Cometen aus einigen Beobachtungen zu bestimmen». Кроме исчисленныхъ трудовъ, всѣ поименованные, равно какъ и остальные Лицейские преподаватели, занимались другими; которые болѣе или менѣе приведены ими къ окончанію, и, по появлѣніи своемъ въ свѣтѣ, будутъ служить неопровергимыми доказательствами ученой дѣятельности и цвѣтушаго состоянія наукъ въ нашемъ заведеніи.

Ученые и учебныя пособія Лицея также увеличиваются по мѣрѣ средствъ и способовъ.

1) Библіотека, состоявшая въ прошедшемъ году изъ 3,446 названій въ 8,003 томахъ, была въ нынѣшнемъ повѣренна вновь, приведена въ лучшій порядокъ и умножена пріобрѣтеніемъ 383 томовъ, составляющихъ 264 названія. Добровольныя приношенія сдѣланы были г. адъюнктомъ Линовскимъ и надворнымъ совѣтникомъ Ризничемъ.

Кабинетъ для чтенія періодическихъ изданій получалъ 30 русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, которые выписывались большую частію на сумму, составившуюся изъ добровольныхъ приношеній лицъ, принадлежащихъ къ Лицею. Библіотекою и кабинетомъ завѣдываетъ профессоръ Беккеръ.

Библіотека состоящаго при Лицѣ Института Восточныхъ языковъ заключаетъ въ себѣ 225 названій въ 568 томахъ, на сумму около 2,620 рублей серебромъ. Завѣдываетъ ею исправляющій должностъ профессора Григорьевъ.

Библіотека для воспитанниковъ при пансионѣ состоитъ изъ 175

названій въ 286 томахъ, и находится подъ вѣденіемъ инспектора Лицея.

2) Въ Минцъ-кабинетѣ находится: монетъ серебряныхъ 125, мѣдныхъ 675; медалей 459, жетоновъ 17, и оловянныхъ образцовъ медалей 230; всего на сумму 1,166 руб. серебромъ. Хранитель сего кабинета — профессоръ Беккеръ.

3) Физическій кабинетъ увеличился пріобрѣтеніемъ 16 новыхъ снарядовъ на сумму 517 р. 14 $\frac{2}{7}$ к. сер. Прежніе попорченные были исправлены. Всѣхъ снарядовъ находится теперь 237, на сумму 5,851 р. 18 к. сер. За исключеніемъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ, состоящихъ подъ вѣденіемъ адъюнкта Петровскаго, кабинетомъ симъ завѣдывается профессоръ Левтеропуло.

4) Въ Химической Лабораторіи устроена Сефстремская печь, производящая въ короткое время и съ весьма малыми издержками сильнѣйшій блокалильный жаръ. Къ 362 препаратамъ, находящимся на лицо, ожидается въ скоромъ времени полученіе гораздо большаго числа на 7,685 р. ассигнаціями.

5) Минералогическій кабинетъ обогатился пріобрѣтеніемъ 104 штуфовъ изъ Горнаго Кадетскаго Корпуса, и 27 Крымскихъ минераловъ отъ г. Оберъ-Бергмейстера Крюкова. По случаю перемѣщенія сего кабинета, онъ былъ вновь пересмотрѣнъ профессоромъ Гассгагеномъ, приведенъ въ лучшій порядокъ, и заключаетъ въ себѣ въ настоящее время 1,836 штуфовъ.

6) Въ Технологическомъ кабинетѣ находится по прежнему 19 моделей, на сумму 142 р. 85 к. сер.

7) Въ кабинетъ по части сельского хозяйства поступили по жертвованіи г. директоромъ Лицея модели молотильной и муко-

мольной машины, цѣною въ 142 р. 85 к. сер. За тѣмъ состоять на лице 23 модели, на сумму 340 р. сер.

Лабораторія, равно какъ и три помянутые кабинета состоять подъ вѣденiemъ профессора Гассагагена.

8) Въ Зоологическомъ кабинетѣ къ находившимся 5,174 экземплярамъ, на сумму 1,497 р. 14 к. сер., прибавилось 613 насѣкомыхъ, собранныхъ въ Крыму инспекторомъ казенныхъ училищъ Дымчевичемъ.

9) Гербаріумъ, расположенный по системѣ Декандоля, и заключавшій въ себѣ 14,150 экземпляровъ, на сумму 985 р. 71 к. серебр., увеличился 312 экземплярами Крымскихъ растеній, собранныхъ г. Дымчевичемъ изначительнымъ числомъ другихъ, собранныхъ въ Ясскомъ уѣздѣ, по порученію профессора Нордмана.

10) Дендрологическое собраніе Лицей состоить изъ 54 экземпляровъ, на сумму 57 р. 14 к. сер.

Зоологический кабинетъ и находящіеся при немъ гербаріумъ и дендрологическое собраніе, состоять подъ вѣденiemъ профессора Нордмана.

Въ началѣ учебнаго года студентами въ Лицей поступило: по юридическому отдѣленію 9, по математическому 12. Всѣхъ студентовъ вообще находится теперь 53. Изъ сего числа въ юридическомъ отдѣленіи 34, въ математическомъ 19; своеокаштныхъ 34, пансіонеровъ 16, педагогическихъ воспитанниковъ 3. Заботясь о томъ, чтобы каждый изъ студентовъ исполнялъ свое дѣло должнымъ образомъ, г. Попечитель поручилъ Совѣту Лицей составить для нихъ правила, которыя опредѣляли-бы ихъ обязанности. По исполненіи сего, правила эти были напечатаны и разданы тѣмъ, до кого касались.— Для развитія и укрепленія тѣлесныхъ силъ и здоровья учащихся,

основано при пансіонѣ училище плаванія и устроены нужныя пособія для гимнастическихъ упражненій. — На темы, заданныя на нынѣшній годъ, по части философіи: «О реформѣ, какую произвѣль Сократъ въ философіи, ея причинахъ и слѣдствіяхъ», и по предмету Римского права: «Историческое развитіе Римского наслѣдственнаго права», представлены были на первую одно, на вторую — два разсужденія. За отличное рѣшеніе первой задачи удостоенъ золотой медали студентъ 2 курса юридического отдѣленія Великановъ и сверхъ того Совѣтомъ Лицей позволено ему напечатать свое разсужденіе, съ означеніемъ, что оно было увѣнчано золотою медалью; за удовлетворительное рѣшеніе второй задачи удостоены: золотой медали — студентъ 2 курса юридического отдѣленія Браславскій, и сребряной медали — студентъ 3 курса того-же отдѣленія Танскій.

На слѣдующій годъ утверждены Совѣтомъ слѣдующія темы: по каѳедрѣ Россійской Словесности: «Определить поэтическій характеръ народныхъ Русскихъ пьесъ и сказокъ, и показать ихъ особенности въ языке, стихосложеніи и содержаніи, съ обращеніемъ вниманія и на историческую послѣдовательность»; по каѳедрѣ Естественной Исторіи: «Подробное и сравнительное описание органа зрѣнія у человѣка и у прочихъ животныхъ».

По окончаніи въ этомъ году полнаго курса наукъ, предназначаются къ выпускѣ, на основаніи Устава, Студенты юридического отдѣленія: Иванъ Танскій, Болеславъ Маркевичъ, Иванъ Храбро-Басилевскій, Людвикъ Яиковскій, Александръ Бачей и Владіміръ Яковлевъ, и Студенты математического отдѣленія: Карлъ Апель и Порфирій Кульчицкій.

Изъ втораго въ третій курсъ переводятся — по юридическому отдѣленію: Александръ Великановъ, Константинъ Знаменскій, Па-

вель Браславскій, Евсевій Россіцкій, графъ Семенъ Воронцовъ, Андрей Волянскій, Николай Палаузовъ, Андрей Мошковъ, Александър Домановскій, Николай Исаевъ, Сидоръ Кульпинскій и Леонъ Марковскій; по математическому отдѣленію: Дмитрій Каліо, Григорій Черецъ, Федоръ Ростовцевъ, Яковъ Бачей и Николай Стамо.

Изъ первого курса во второй — по юридическому отдѣленію: Семенъ Пахманъ, Николай Великановъ, Андрей Плехановъ, Василій Чорба, Тимофей Андріевскій, Казиміръ Даховскій, Петръ Прокливитантовъ, Викторъ Подгурскій, Дмитрій Сихри, Спиридонъ Коронелли и Іосифъ Ковзанъ; по математическому: Гаврілъ Вильмесь, Карлъ Дагбі, Николай Жано, Владиславъ Дембровскій, Павелъ Диковъ, Карлъ Минчаки, Антонъ Прушинскій, Владіміръ Ивановъ и Болеславъ Поповскій.

По окончаніи курса наукъ въ состоящей при Лицѣѣ Гимназіи, удостоено поступленія изъ оной въ первый курсъ обѣихъ отдѣленій Лицѣѧ 30 воспитанниковъ.

Свѣдѣнія, представленныя вашему вниманію, Мм. Гг., могутъ свидѣтельствовать, что начальство Лицѣѧ употребляло всѣ, зависящія отъ него, средства къ поддержанію и улучшенію сего заведенія. Внимательность его преимущественно устремлена была на то, чтобы сообщаемое въ Лицѣѣ образованіе было въ полномъ смыслѣ отечественное. Съ этою цѣлію оно старалось, чтобы преподаваніе всѣхъ предметовъ было принаровлено по возможности къ потребностямъ Россіи и края, и особенно усилены тѣ изъ нихъ, которые прямо относятся къ отечественному самопознанію, такъ, чтобы въ каждой наукѣ развивались преимущественно тѣ ея стороны, которыми она болѣе или менѣе можетъ содѣйствовать распространенію свѣдѣній о Россіи и правильному понятію о ея высокомъ значеніи, а чрезъ то

возращать и питать въ сердцахъ юныхъ сыновъ ея блгогородную патріотическую гордость — необходимое условіе всякаго благонамѣренного образованія и залогъ будущаго полезнаго служенія ихъ престолу и родинѣ. Проникнутые тѣми-же идеями, преподаватели Лицѣѧ стремились ревностно передавать ихъ слушателямъ вмѣстѣ сообщаемыми познаніями, и — есть надежда, что эти совокупныя старанія, это дружеское стремленіе не останутся безъ успѣха, и, при помощи Всевышняго, не замедлятъ принести желанные плоды — распространеніе въ нашемъ краю образованія истинно — Русскаго, основаннаго на глубокомъ религіозномъ чувствѣ, на преданности Царю и любви къ отечеству.

